

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

НИКОЛАЙ II

Эдвард Станиславович Радзинский Николай II

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147210
Радзинский Э. С. Николай II: АСТ: Астрель; М.: 2011
ISBN 978-5-17-069812-7, 978-5-271-32704-9

Аннотация

«Я начал читать... Это был шок: вся чудовищная ночь 17 июля, расстрел, двухдневная возня с трупами были обстоятельно и бесстрастно изложены... Апокалипсис, записанный очевидцем! Документ не был подписан, но одна из машинописных копий была выправлена от руки. И в конце документа (также от руки) был приписан страшный адрес – место могилы, где после расстрела были тайно захоронены трупы Царской Семьи...»

Уникальное художественно-историческое исследование жизни последнего русского царя основано на редких, ранее не публиковавшихся архивных документах. В книгу вошли отрывки из дневников Николая и членов его семьи, переписка царя и царицы, доклады министров и военачальников, дипломатическая почта и донесения разведки. Последние месяцы жизни царской семьи и обстоятельства ее гибели расписаны по дням, а ночь убийства – почти поминутно. Досконально прослежены судьбы участников трагедии: родственников царя, его свиты, тех, кто отдал приказ об убийстве, и непосредственных исполнителей.

Книга также выходила под названием «Последний царь».

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Перелистывая царские дневники	6
Глава 1. «Фонд крови»	6
Глава 2. Дневник начинается	9
Глава 3. «Голова кругом, верить не хочется...»	33
Глава 4. Могущественная пара	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Эдвард Радзинский

Николай II

«И тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладее любовь; претерпевший же до конца спасется».
(Матфей. 24:10-13)

Пролог

Век доживал тогда последние годы. Как и сейчас – пожилые люди жили тогда с печальным ощущением, что никакого отношения к тому грядущему, которое обещало человечеству расцвет науки и безмятежное процветание, они уже не имеют. Но молодые люди жили предощущением наступающего. Приходил век с особым, мистически кратным числом – «Двадцатый».

И двое счастливейших молодых людей – Ники и Аликс – влюбленные, которым довелось соединиться в браке, и повелители одной шестой части мира – также жили этим счастливым грядущим. И день их коронации обещал стать прологом к еще более счастливой жизни, которая непременно ждала их в новом веке.

14 мая 1896 года, Москва... Звенели колоколами кремлевские соборы. Молодой Николай и белокурая красавица царица вошли в Успенский собор. И стих колокольный звон, и замолчала запруженная людьми древняя площадь.

Успенский собор. Церемония священного коронования. И наступил великий миг: Государь принял корону из рук митрополита и возложил ее на свою голову...

Из речи митрополита: «Благочестивый Самодержавнейший Великий Государь император Всероссийский! Видимое и вещественное главы твоей украшение – явный образ есть – яко тебя, главу всероссийского народа, венчает невидимо Царь славы Христос благословением своим благодетельным, утверждая тебе владычественную и верховную власть над людьми своими»¹.

18 июля 1918 года. Екатеринбург.

«Трупы сложили в яму и облили лица и все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения... Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы не осталось». (Из «Записки» Я. Юровского, руководившего расстрелом Царской Семьи в ночь на 17 июля 1918 г.)

«Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь». (Слова из Библии, которые прочла дочери своей царица 16 июля 1918 года – в последний день их жизни.)

¹ Здесь и далее во всех цитируемых документах, дневниках, письмах, воспоминаниях и т. п. сохраняются стиль, орфография и пунктуация оригиналов. Курсив в цитатах мой. – Примеч. Э.Р.

До конца своих дней царь Николай II сохранял некую тетрадь. Это конспект по истории России, который вел один из его великих предков – царь-реформатор Александр II, будучи наследником престола.

«Романовы...» – гордо озаглавлена тетрадь.

«Романовы» – так можно озаглавить целых три столетия истории России.

Родоначальниками боярского рода Романовых были знатный выходец из Прусской земли Андрей Иванович Кобыла с братом своим Федором, пришедшие на Русь в XIV веке. Они дали начало многочисленному потомству и многим знатнейшим русским родам.

Праправнучка Андрея Кобылы Анастасия стала царицей – женой царя Ивана Грозного. Так потомки Андрея породнились с древней династией московских царей. Брат царицы Никита Романович был особо приближен к жестокому царю. Но умирает Иван Грозный. По его завещанию Никита Романович назначается одним из опекунов – советников своего племянника – нового царя Федора. Начинается борьба за власть.

По навету всесильного Бориса Годунова – тестя царя Федора – старший из сыновей Никиты Романовича пострижен в монахи под именем Филарета.

Умирает царь Федор, и прекращается древняя династия Рюриковичей. И тогда наступают невиданные, темные времена на Руси – времена Смуты. Избрание на царство Бориса Годунова, подозреваемого в убийстве наследника престола малолетнего Дмитрия; невиданный голод и мор; смерть Годунова; нашествие поляков на Русь и самозванец Лжедмитрий, посаженный поляками на русский престол; всеобщее обнищание, людоедство и разбои...

Тогда, в дни Смутного времени, Филарет Романов был возвращен из ссылки и стал митрополитом Ростовским.

Но изгнаны поляки из Москвы, погиб лжецарь, и в 1613 году Великий Земский Собор прекращает наконец страшную эпоху междуцарствия и Смуты.

Сын митрополита Филарета Михаил Романов, находившийся в это время в Костромском Ипатьевском монастыре, был единогласно избран на царство. 21 февраля 1613 года началась трехсотлетняя история Дома Романовых.

Под диктовку учителя записал дед Николая благостный рассказ об основании своей династии:

«Мать, обливаясь слезами умиления, сама благословила его на царство. Согласие Михаила стать царем было встречено радостью всеми жителями, которые ликовали. Михаил, недолго остававшийся в Ипатьевском монастыре, двинулся в Москву...»

Мистика истории: Ипатьевским назывался монастырь, откуда первый Романов был призван на царство. И дом, где расстался с жизнью последний царствовавший Романов – Николай II, – назывался Ипатьевским по имени владельца дома инженера Ипатьева.

Михаил – имя первого царя из Дома Романовых и имя того последнего, в чью пользу безуспешно отрекся от престола Николай II.

Часть первая. Перелистывая царские дневники

Глава 1. «Фонд крови»

*Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо свое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь.
(Авдий. 1:4)*

В шестидесятых годах уже нашего века в Москве жила странная старуха: морщинистое лицо покрывал чудовищный слой театрального грима, согнутая фигура качалась на высоких каблуках... Она двигалась почти осязая, но ни за что не надевала очков. Она не желала выглядеть старухой! По Театральной энциклопедии ей шел тогда девятый десяток.

Это была Вера Леонидовна Ю. – театральная звезда начала века. После ее спектаклей поклонники-студенты впрягались вместо лошадей в экипаж и везли ее домой. Когда-то... Но теперь бывшая роковая красавица доживала в коммунальной квартире на нищенскую пенсию. И сдавала одну из двух своих комнат мне, жалкому студенту Историко-архивного института.

По вечерам, возвращаясь домой, я часто беседовал с ней на коммунальной кухне... Кабинеты петербургских ресторанов, таинственный Яхт-клуб с великими князьями, дворцы в белой ночи... Этот затонувший мир Вера Леонидовна насмешливо называла «Атлантидой»... Она сыпала именами: «Аня» – просто Аня – оказывалась Анной Вырубовой – роковой подругой императрицы... И – «Сана»... Впрочем, для остальной России «Сана» тогда была императрицей Александрой Федоровной...

Так начались наши ежевечерние беседы на московской кухне – путешествие в затонувшую «Атлантиду»... Я жадно записывал ее рассказы... И сейчас, когда я прочел множество воспоминаний участников тех бурных событий, ее суждения сохраняют для меня особое очарование. Именно потому, что она не была участником...

Уж очень они пристрастны. Я понимаю формулу: «Врет, как участник». Вера Леонидовна – всего лишь современник, любопытствующий человек со стороны.

И был один из рассказов Веры Леонидовны о конце «Атлантиды»:

«Уже после революции моим мужем стал Михаил К. „Еще одна победа большевиков“, – написала эмигрантская газета о нашем союзе. (К. был знаменитым журналистом в 20-30-х годах, расстрелян в годы террора. – Э.Р.)

В гостинице «Метрополь» жили тогда видные большевики. Для развлечения они часто приглашали туда писателей, журналистов, служивших новой власти. К. часто бывал в «Метрополе». Однажды он встретил там двоих...

Один был главой большевиков в Екатеринбурге, когда там расстреляли царскую семью, другой – руководил расстрелом.

И они вспоминали, как все было... Пили чай вприкуску, хрустели сахаром и рассказывали, как пули отскакивали от девочек и летали по комнате... Их охватил страх, и они никак не могли добить мальчика... он все ползал по полу, закрываясь рукой от выстрелов. Они только потом узнали: на великих княжнах были пояса, в них были защиты бриллианты... Бриллианты их защитили... К. потом говорил, что наверняка должна была быть фотография этого ужаса: «Уж очень они гордились – последнего царя ликвидировали, – не могли они потом не сняться с убитыми. Тем более что этот главный убийца был в прошлом фотограф». И К. все искал эту фотографию».

Цареубийцы за чаем... и пули, которые отскакивают от девушек, и мальчик на полу, и фотография... этого я уже не мог забыть.

А потом в моем Историко-архивном институте я услышал о секретной «Записке», которую написал тот самый бывший фотограф, руководивший расстрелом Царской Семьи. Его звали Яков Юровский. В этой «Записке» он все будто бы изложил.

Уже проходя архивную практику, я оказался в Центральном архиве Октябрьской революции. И тотчас наивно спросил о «Записке» Юровского.

– Не существует никакой записки Юровского, – жестко ответила сотрудница, как бы подчеркивая бестактность вопроса.

Но фонд Романовых мне показали. К моему изумлению, во времена, когда все было засекречено, эти документы выдавались.

Сначала я увидел альбомы с романовскими фотографиями – все та же сотрудница с бескровным лицом вносила и уносила один за другим гигантские альбомы – сафьяновые, кожаные, с царскими гербами и без... Ни на секунду не оставляла она меня наедине с этими фотографиями. Сначала холодно-равнодушно, а потом, забывшись, увлекшись, объясняла мне каждую из них, будто хвастаясь этой диковинной, исчезнувшей жизнью... Тусклые картинки царских фотографий были окном, куда она заглядывала из нищей, скучной жизни.

– Они все снимали, – с какой-то гордостью объясняла она. – У всей семьи были фотоаппараты: снимали дочки, сам царь и царица.

Фотографии, фотографии... Высокая тонкая красавица и милый молодой человек – время их помолвки.

Первый ребенок – девочка на слабых ножках.

А вот уже четыре дочери сидят на кожаном диване... А вот появился мальчик – долгожданный наследник престола. Вот он – с собакой, вот – на велосипеде с огромным колесом – забавном велосипеде того века. Но куда чаще он в постели – и рядом императрица. Как она постарела... глядит в фотоаппарат, глядит на нас... Горькая складка вокруг рта, тонкий нос стал крючковатым – печальная, немолодая женщина.

А вот Николай и будущий английский король Георг, они смотрят друг на друга – поразительно, до смешного похожие (их матери были сестрами). Фотография царской охоты: огромный олень с гигантскими рогами лежит на снегу... А вот отдых: Николай купается – он нырнул и плывет совершенно голый, – и со спины его обнаженное сильное тело.

Я часто вспоминал потом эти фотографии: мертвый олень и голый царь... Когда думал, как он, мертвый и голый, лежал на теплой июльской земле у той ямы, куда бросили потом его тело.

А потом я начал читать его дневник.

Июль 1918 года. Чехословацкий корпус и казачьи части подошли к Екатеринбургу. Большевики должны сдать город... Последним поездом выехал из Екатеринбурга Яков Юровский. В царских кожаных чемоданах «секретный курьер» (так он официально назывался в документах) вывез свой груз – семейный архив только что расстрелянных Романовых.

Как он ехал в поезде... Просматривал альбомы с фотографиями... Бывшему фотографу это так интересно. Но главное, конечно же, он прочел дневник царя. Дневник того, с кем отныне и навсегда будет связано его имя. С каким чувством он листал его в долгой дороге, пытаясь представить эту жизнь, протекавшую на глазах целого мира...

Так собирался в Центральном архиве Октябрьской революции «Романовский фонд»... Я называю его – «Фонд крови».

36 лет непрерывно вел Николай свой дневник. Он начал его в 14 лет в 1882 году в Гатчинском дворце и закончил пятидесятилетним арестантом в Екатеринбурге.

50 тетрадей исписаны от начала до конца его аккуратным почерком. Но последняя, 51-я тетрадь заполнена лишь до половины: оборвалась жизнь – и остались пустые, зияющие страницы, заботливо пронумерованные впрок автором. В этом дневнике нет размышлений и редки оценки. Дневник – запись основных событий дня, не более. Но там остался его голос. Мистическое могущество подлинной речи...

Этот молчаливый, замкнутый человек будет рассказывать. Он сам поведет через свою жизнь. Он – автор.

Я листаю его дневник... Это вечное и такое банальное ощущение в архиве: ты чувствуешь другие руки – соприкосновение рук через столетие.

Глава 2. Дневник начинается

Автор родился 6 мая 1868 года.

Старинная фотография: ангелоподобный младенец с длинными кудрями в кружевной рубашечке пытается заглянуть в книгу, которую держит мать. Здесь Николаю год.

И другая фотография: модно опроборенный юноша.

В 1882 году Николай получает в подарок от матери «Памятную книжку»: с золотым обрезом, в переплете драгоценного дерева с инкрустацией.

Эта роскошная книжка и стала первой тетрадью его дневника. Причина, по которой с 1882 года Николай начинает непрерывно заполнять свой дневник, – роковой день русской истории – 1 марта 1881 года.

В промозглую ночь на 1 марта 1881 года в одной из петербургских квартир долго не гасили свет. Накануне с раннего утра в квартиру беспрестанно забежали некие молодые люди. С восьми вечера в квартире остались шестеро: четверо мужчин и две женщины. Одной была Вера Фигнер, знаменитая руководительница террористической организации «Народная воля». Впоследствии в своей автобиографии она опишет этот день.

Другая – Софья Перовская. Перовской предстояло утром непосредственно участвовать в деле, и ее уговорили заснуть.

Вера Фигнер и четверо мужчин работали всю ночь. К утру они наполнили «гремучим студнем» жестянки из-под керосина. Получились четыре самодельные бомбы.

Делом было убийство царя Александра II, одного из величайших реформаторов в истории России. В те весенние дни он готовился дать России желанную конституцию, которая должна была ввести феодальную деспотию в круг цивилизованных европейских государств. Но молодые люди боялись, что конституция создаст ложное удовлетворение в обществе, уведет Россию от грядущей революции. Царские реформы казались им слишком постепенными. Молодые люди спешили.

К тому времени террористы-революционеры уже совершили семь неудачных покушений на царя. Двадцать одна смертная казнь была ценой. И вот опять они вышли на Петербургскую улицу – убить царя.

В тот день в казармах Павловского полка, выходивших на Мойку и Марсово поле, стоял в карауле молодой солдат Александр Волков. Со стороны Екатерининского канала он услышал два мощных взрыва, увидел, как медленно расходился дым. А потом мимо Волкова промчались полицеймейстерские сани.

Три казака из царского конвоя поддерживали умиравшего царя: двое стояли на полосьях по бокам, один впереди. Его череска почернела от крови Александра. Оборванные мускулы на ногах царя кровоточили. Сани направлялись в Зимний. «Там умереть хочу», – повторял царь. Александр II был смертельно ранен бомбой, сделанной в той самой петербургской квартире. Бомба, убившая православного царя, была заgrimирована под пасхальный кулич. Хорош был пасхальный подарочек – не забыли молодые люди про иронию.

А потом мимо Волкова в Зимний промчалась карета в сопровождении конвоя. Огромный, тяжелый лысый человек и тринадцатилетний мальчик сидели в карете – новый царь Александр III и его сын – Николай, ставший в тот день наследником русского престола.

Вся жизнь стоявшего в тот день в карауле солдата Александра Волкова будет связана с этим мальчиком, сидевшим в карете. Между двумя цареубийствами пронесется его жизнь.

Между тем Вера Фигнер уже узнала о смертельных ранах Александра II. Это вызвало странный восторг у молодой женщины. «От волнения я едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала: тяжелый кошмар, давивший в течение десятков лет молодую Россию, был прерван. Все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь». И они обнимались от счастья – молодые люди, убившие царя-реформатора.

«Революционер, есть человек обреченный...» – это цитата из знаменитого «Катехизиса революционера» Бакунина. Согласно этому «Катехизису», революционер должен: порвать с законами и условностями цивилизованного мира, отречься от всякой личной жизни и кровных связей во имя революции. Презирать общество, быть к нему беспощадным, самому не ждать пощады от общества и быть готовым к смерти. И усугублять всеми средствами беды народа, толкая его к революции. Знать: все средства оправдываются одной целью – Революцией...

Неподвижную российскую телегу они решили смазать кровью. И вперед – туда, к 1917 году, к екатеринбургскому подвалу, к великому «красному террору», – покатиться, покатиться...

Царь Александр II в муках скончался во дворце.

Это видение: истекавший кровью дед – не покинет Николая всю его жизнь.

В крови он стал наследником престола.

«Пролитая царская кровь» породила его дневник. Николай – Наследник. Теперь его жизнь принадлежала истории – с Нового года он должен фиксировать свою жизнь.

Семья автора

Историки отмечали: в результате бесконечных династических браков в жилах русских царей Романовых к XX веку почти не осталось русской крови...

Но «русский царь» – уже национальность. И немецкая принцесса, прославившаяся в русской истории под именем императрицы Екатерины Великой, чувствовала себя истинно русской. Настолько русской, что, когда ее родной брат собрался посетить Россию, она с негодованием сказала: «Зачем? В России и без него немцев предостаточно». И отец Николая – Александр III – и по внешности, и по привычкам – типичный русский помещик, обожающий все русское. И гордая формула – «Самодержавие, православие и народность» – в немецкой крови русских царей.

Мать Николая – датская принцесса Дагмара, его бабка – датская королева. Бабку прозвали «тещей всей Европы»: ее бесчисленные дочери, сыновья и внуки породнили между собой почти все королевские дома, объединив таким забавным образом материк от Англии до Греции.

Ее дочь принцесса Дагмара сначала была помолвлена со старшим сыном Александра II – Николаем. Но Николай умирает от чахотки в Ницце, наследником престола становится Александр. Вместе с титулом новый наследник взял в жены невесту покойного брата: на смертном одре умирающий Николай сам соединил их руки. Датская принцесса Дагмара стала Ее Императорским Высочеством Марией Федоровной.

Брак оказался счастливым. У них много детей. Александр был замечательным семьянином: хранить устои в семье и государстве – его главная заповедь.

Постоянство – главный девиз отца Николая – будущего императора Александра III.

Реформы, изменения и поиск – главный девиз его деда-императора Александра II.

И эти частые увлечения новыми идеями находили своеобразное продолжение в бесконечных любовных увлечениях деда. Романы Александра II следовали один за другим. Пока не появилась она – красавица княгиня Долгорукая. К изумлению всех, Александр II верен новой любовнице. Рождаются дети. Возникает официальная вторая императорская семья, там Александр II проводит теперь почти все время, туда едут с докладами его министры. И когда началась охота революционеров за царем, дед Николая сделал экстравагантный шаг: для безопасности он поселил обе свои семьи в Зимнем дворце.

В 1880 году умирает бабка Николая – Мария Александровна, официальная жена Александра II.

Его дед женится на любовнице. Хотя умная и щепетильная княгиня спешит отказаться от прав на престол для сына, все понимают: невозможное сегодня уже завтра... Александру II – 62 года, но он в расцвете сил и здоровья. Отец Николая отчетливо отодвигается на второй план. И вдруг через несколько месяцев после «постыдного» брака – взрыв бомбы на Екатерининском канале. И, конечно же, Николай слышал то, что говорилось вокруг: «Божья кара грешному царю».

Обложка дневника

Осенью 1882 года он пел песню.

Песня эта так поразила его, что он записал ее на обороте обложки своего самого первого дневника.

«Песня, которую мы пели, пока один из нас прятался:

«Вниз да по речке,
Вниз да по Казанке,
Серый селезень плывет.
Вдоль да по бережку,
Вдоль да по крутому
Добрый молодец идет.
Он со кудрями,
Он с русыми Разговаривает...
Кому ж мои кудри,
Кому ж мои русые
Достанется расчесать?
Достались кудри,
Достались русы
Старой бабушке чесать.
Сколь она ни чешет,
Сколь она ни гладит,
Только волосы дерет».

Эта народная песня о старухе-смерти, расчесывающей кудри погибшего молодца, открывает его дневник.

Дневник отрока

«Мой дневник начал писать с первого января 1882 года... Утром пил шоколад, одевал лейб-гв[ардии] резервный мундир... Ходили в сад с папа. Рубили, пилили и разводили большой костер. Легли спать около половины десятого.

Папа, мама, и я принимали две депутации. Мне преподнесли превосходно сделанную деревянную тарелку с надписью: «Воронежские крестьяне цесаревичу. С хлебом-солью и русским полотенцем».

Игры в Гатчине, визиты сверстников – двоюродных братьев великих князей... Большая Романовская Семья.

«Утром переселяли канареек в маленькие деревянные клеточки...

Сандро, Сергей... катались на коньках, играли в мяч. Когда папа ушли, мы начали драться в снежки...»

Играют мальчишки... Жизнь – праздник. Сергей и Сандро (Александр) – сыновья великого князя Михаила, родного брата его деда.

Николай (или Ники, как все его называют) в особенной дружбе с Михайловичами. Сергей, Сандро и Георгий Михайловичи – любимые персонажи дневника, товарищи его детских игр, его юности.

Старший из Михайловичей, его тезка Николай, знаменитый либеральный историк, насмешливо наблюдает их игры: он всегда будет относиться с легкой иронией к императору Ники.

И вся эта веселая, хохочущая компания потом...

«Потом» – это когда во дворе Петропавловской крепости будут расстреляны Николай и Георгий Михайловичи. И на дне шахты с простреленной головой ляжет еще один участник этих веселых игр – Сергей Михайлович.

«Работали в саду. Очищали три дерева, которые упали одно на другое. Затем разводили огромный костер. Мама пришла посмотреть на наш костер, до того он был привлекателен...»

Горит, горит огромный костер в темноте ночи... Через много лет этот сероглазый отрок разожжет другой костер, в котором погибнет империя.

Обстоятельства его жизни

Все это происходит в Гатчине. Здесь после убийства отца затворяется Александр III со своей семьей. В Петербурге царь появляется только с Нового года до Великого поста. И тогда устраиваются царские балы, потрясающие азиатской роскошью иностранных послов. Но это витрина. Истинная жизнь семьи – в Гатчине. Семья живет в великолепном дворце, но пусты его парадные залы. Александр с семьей занимают антресоли, бывшие помещения для слуг. В узких маленьких комнатах, куда с трудом поместился рояль, живет его многочисленная семья...

Тень убитого отца преследует Александра III. Цепь часовых вдоль ограды, караулы вокруг дворца, караулы внутри парка... С этим тюремным акцентом начинается жизнь юного Николая.

Между тем наш знакомец Александр Волков начинает делать карьеру: он введен во внутреннюю охрану дворца. На озере после полуночи он наблюдает, как император удит рыбу.

Лунная ночь над гатчинским парком. Волков одиноко стоит на берегу, демонстрируя немногочисленность охраны. Подлинная охрана – 30 человек – прячется в кустах вокруг озера. За лодкой царя – другая, с конвоем.

В царской лодке егерь светит фонарем, рыба плывет на свет, и огромный, тяжелый царь с размаху бьет острой всплывающую рыбу.

Удить рыбу и охотиться – эти занятия отодвигают порой даже государственные дела. «Европа может подождать, пока русский царь удит рыбу» – этот афоризм могущественного монарха, хозяина шестой части земли, обошел газеты мира.

Николая берут на охоту и рыбную ловлю, но чаще берут Михаила, младшего брата. Здоровяк и шалун Михаил – любимец и отца, и матери.

Царь с гостями пьет чай на балконе, а внизу играет Миша. Богатырская забава: отец берет лейку и сверху обливает мальчика водой. Миша доволен. Миша хохочет, смеется царь, смеются гости.

Но вдруг следует неожиданная реплика: «А теперь, папа, ваша очередь». Император послушно подставляет свою лысину, и Миша обливает его из лейки с ног до головы...

Но железная воля отца сломит детскую самостоятельность Михаила – оба брата вырастут добрыми, мягкими и стеснительными. Такими часто бывают дети у сильных отцов.

Именно тогда Николай постиг горчайшее для отрока: любят не тебя – любят брата! Нет, нет, это не сделало его злым, угрюмым, менее послушным. Просто он стал скрытен.

Как он стремился к любви! И та, которая стала его женой, женским инстинктом это почувствовала. «Каждая женщина имеет в себе также материнское чувство к человеку, которого она любит, это ее природа, которая сказывается, если она в самом деле любит». (Из письма императрицы Александры Федоровны.)

Его воспитателем отец сделал знаменитого К.П. Победоносцева, обер-прокурора Синода.

Александр III взошел на престол с понятной логикой: были реформы при отце, – чем кончилось? Убийством. И к власти был призван Победоносцев. Иссохший старик с оттопыренными ушами, с сухим дыханием измученного постами великого инквизитора.

В своей программной речи Победоносцев объяснял: Россия – это особая страна: реформы, свободная печать непременно кончаются в ней развратом и смутой.

«Он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничего не будет», – писал о Победоносцеве русский публицист. Но «человек-мороз» уже тогда ощущал ярость жаркого светила, надвигавшегося на империю: революция. Кто ей противостоит? Этот ласковый мальчик, совсем не обладающий характером царя? И Победоносцев почитал Николая, будущего монарха, но не смог его полюбить.

И в своем воспитателе Николай не нашел любви. Вместо любви он получил... армию!

Александр III имел прозвище «Миротворец». Он избегал войн, но над обществом прежней громадой высилась армия. Армия, которой всегда была сильна Россия. «Не законами, не цивилизацией, но армией» – так писал граф Витте. «Россия – государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвание его – быть грозой света», – написано было в учебнике для кадетских корпусов. Армия – это прежде всего послушание и исполнительность. И оба эти качества, уже бывшие в робком юноше, губительно разовьет армия...

Наследник престола проходит службу в гвардии. Еще с XVIII века самые знатные, самые богатые семьи России отправляли своих детей в гвардию, в Петербург. Пьянство, кутежи, цыгане, дуэли – джентльменский набор гвардейца. Все дворцовые перевороты в России совершает гвардия. Гвардейцы возвели на престол Елизавету и Екатерину II, убили

императоров Петра III и Павла I. Но гвардия не только совершала походы на императорский дворец, во всех великих битвах России – впереди была гвардия.

В сводной роте гвардейского батальона начал служить Николай. Наследник командовал первой полуротой, а второй... Все тот же Александр Волков! Теперь он унтер-офицер. На царской даче «Александрия» Волков учит наследника искусству маршировки.

Николай обожает физические упражнения, он неутомим. Эти «истязания в шагистике» наблюдает из кустов средний брат Георгий. Георгий вечно болен. И, мучительно стыдясь своей постоянной слабости, он прячется и восторженно следит из кустов за старшим братом.

«Мне 20 лет, совсем стариком делаюсь...»

6 мая 1888 года. «Мне 20 лет, совсем стариком делаюсь...»

7 мая. «Этот костюмированный бал мне очень понравился. Все дамы были в белых платьях, а мужчины в красном... Танцевал мазурку и котильон».

Балы, полк... Жизнь – праздник, но...

17 октября 1888 года он первый раз чудом избежит смерти. Страшное крушение царского поезда произошло недалеко от Харькова (и впервые в его жизни эта цифра – 17 – является вместе с бедой).

«Роковой для всех день. Все мы могли быть убиты, но по воле Божьей этого не случилось. Во время завтрака наш поезд сошел с рельсов. Столовая и вагон разбиты, и мы вышли из всего невредимыми. Однако убитых было 20 человек и раненых 16... На станции Лозовая был молебен и панихида».

И опять праздник продолжается: 1889 год.

«Вернулся с бала в половине второго. Проспал первый урок...»

«Очень весело засматривался на ту же цыганку. Вернулся домой в два часа...»

«Удивление проснуться в Гатчине. Вид моей комнаты, освещенной солнцем. После чая у мама фехтовал...»

«Не выдержал и начал курить, уверив себя, что это позволительно...»

«В полночь отправился с папа на тетеревей. Сидел в шалаше, ток был замечательный. Проспал до десяти...»

«6 мая... Сделался членом Государственного совета и Комитета министров...»

Поразительна радость, с которой застенчивый, нежный Николай бросается в разнузданный гвардейский мир. Полковой начальник Николая – брат отца – великий князь Сергей Александрович.

До самой своей гибели дядя оставался начальником в сознании Николая, несмотря на все пороки. Могучий гигант, непререкаемый суровый командир, Сергей Александрович был несчастнейшим человеком. (Глубоко религиозный, он бесконечно страдал от своих наклонностей. Гвардия, замкнутое мужское братство, порождала педерастию и пьянство.)

Традиции русского гвардейского пьянства! Стихи знаменитого героя и кутилы – гусара Дениса Давыдова! Переложенные на музыку, они распевались в гвардейских казармах:

Деды! Помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами.
Ни полслова, дым столбом.
Ни полслова! Все – мертвецы

Пьют. И, прислонясь челом,
Засыпают молодецки.
Но едва проглянет день,
Сабля свищет, враг валится.
Бой умолк, и вечером
Снова ковшик шевелится...

Из дневника Николая (во время учений в Красном Селе): «Вчера выпили 125 бутылок Шамп[анского]. Был Деж[урным] по дивизии. В час выступил с эскадром на военном поле. В пять был смотр военным училищам под проливным дождем...»

Но к ночи – «Снова ковшик шевелится»...

«Проснулся – во рту будто эскадрон ночевал».

Все, как завещал Денис Давыдов: пили «локтями» (ставили рюмки на длину локтя и враз опорожняли), пили «лестницей» (по всей лестнице расставляли рюмки и поднимались наверх, осушая, но часто падали замертво, не дойдя до верха) или допивались «до волков» (раздевшись догола, выскакивали на лютый мороз, куда услужливый буфетчик выносил господам гвардейцам лохань с шампанским, хлебали из одной лохани и выли при сем по-волчьи). Говорили, что эту странную забаву придумал лично великий князь Сергей Александрович, который был славен своим знаменитым, воистину гвардейским пьянством.

Из дневника Николая:

«Такой массы цыган никогда не видел. Четыре хора участвовали. Ужинали, как тот раз, с дамами. Я пребывал в винных парах до шести утра...»

И среди этих жутковатых, шумных забав Николай умудрялся оставаться нежным, целомудренным и... одиноким.

Ожидание любви, идеальной любви...

«Не знаю, чем объяснить, но на меня нашло какое-то настроение: не то грустно, не то весело. Почти таяло, пил чай и читал». Нарушить это одиночество могла только она.

Невысокий молодой офицер быстрым шагом шел в толпе по Невскому проспекту.

А в это время карета градоначальника Петербурга медленно катила по Невскому, и градоначальник внимательно всматривался в лица идущих. Наконец он заметил в толпе молодого офицера: экипаж остановился, и градоначальник, почтительно и твердо, передал приказание отца возвращаться во дворец.

Рассказывает Вера Леонидовна:

«Он обожал прогулки... Ходила сплетня: он встретил на прогулке красавицу еврейку... И завязался роман. Об этом много болтали в Петербурге. Но отец поступил как всегда решительно – еврейку выслали вместе со всеми домочадцами. Когда все это происходило, Николай был в ее доме. „Только через мой труп“, – заявил он градоначальнику. Однако до трупа не дошло: он был послушный сын – и его в конце концов уломали и увезли к отцу в Аничков дворец, а еврейка исчезла из столицы».

«Аликс Г.»

(Дневник молодого человека)

«Аликс Г.» – так он называл ее тогда в своем дневнике.

Я сижу в архиве... Передо мною груда бумаг – все, что осталось от жизни Аликс Г. И они проделали то же путешествие, и на них – пыль страшного Ипатьевского дома.

Бесконечные письма от Николая, сотни писем... Ее дневники – точнее, то, что осталось. Свои дневники она сожгла в начале марта 1917 года, когда погибла империя. Остались лишь краткие записи за 1917 и 1918 годы – последние два года ее жизни... Тетради с выписками из сочинений богословов и философов, строки любимых стихов, переписанные ею: Майков, Фет, Лермонтов, Пушкин, великий князь Константин Романов (знаменитый поэт начала века, писавший под псевдонимом «К.Р.»), Браницкая и опять Пушкин, и опять Фет, и опять К.Р. – круг ее поэтов.

Но вот еще одна особая тетрадь – тоже сборник изречений, но неожиданного философа, властвовавшего над умом и душой блестяще образованной Аликс Г. Это полуграмотный русский мужик Григорий Распутин.

Дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Эрнеста Людвиг IV и Алисы Английской – она родилась в Дармштадте в 1872 году.

Холмы, поросшие лесом, спускаются в туманную долину Рейна – места, любимые Гёте. Здесь лежит Дармштадт – крохотная столица крохотного немецкого государства – великого герцогства Гессенского. Тогда, в 1872 году, город утопал в цветах – и во дворцовом музее хранилась нежная «Мадонна» Ганса Гольбейна.

Отец Аликс Людвиг IV, гессенский государь, был женат на Алисе, дочери английской королевы Виктории. Экзальтированная Алиса Английская прославилась своей фанатичной (впрочем, вполне платонической) страстью к знаменитому немецкому философу и богослову Давиду Штраусу. Это было обожествление, столь напоминавшее... обожествление ее дочерью Григория Распутина! И нервность, и ужасающие головные боли – все, что так рано свело в могилу Алису Английскую, – унаследовала ее дочь Алиса Гессенская. Мать передала ей не только свое имя.

К этой семейной экзальтации примешивалась память столетий. В жилах Аликс Г. – кровь королевы Марии Стюарт.

Мать Аликс умерла в 35 лет. Осталась большая семья. Аликс – младшая. Старшая сестра Виктория, названная в честь бабки – английской королевы, вышла замуж за принца Баттенбергского, главнокомандующего английским флотом, вторая сестра Элла готовилась стать женой великого князя Сергея Александровича. И наконец, Ирен, третья сестра, стала женой принца Генриха, родного брата германского императора Вильгельма. Так эти гессенские принцессы соединят родственными узами русский, английский и немецкий императорские дома.

После смерти матери Аликс забирает бабка.

Ее бабка – знаменитая английская королева Виктория... Викторианская эпоха – нравы, стиль мебели и стиль жизни. Королева Виктория безукоризненно соблюдает конституцию: власть принадлежит парламенту, мудрые советы – королеве.

Аликс Г. – любимая внучка либеральной королевы. Белокурая красавица девочка... За светлый характер английский двор зовет ее «Солнечный Лучик», впрочем, немецкий двор за озорство и непокорность звал ее «Шпицбубе» (озорница, забияка). Была ли она – сирота, увезенная от сестер, брата и отца, действительно столь легкой и веселой, или?... Или такой ее хотела видеть бабушка Виктория? И Аликс с хитростью ребенка пошла навстречу ее желаниям?

Но «Шпицбубе» – она была.

Королева Виктория не жалуется немецких принцев, и особенно императора Вильгельма. И Аликс, говорившая и думавшая по-английски, должна с улыбкой выслушивать язвитель-

ные шутки старой королевы... Но разве может она не тосковать: отец, ее семья. Та большая семья, которая рухнула, когда ей было шесть лет.

Выйдя замуж, она будет стремиться создать такую же большую семью.

Одинокая девочка путешествует по королевским дворцам своих многочисленных родственников. В 1884 году двенадцатилетнюю Аликс привозят в Россию.

Ее сестра Элла выходит замуж за великого князя Сергея Александровича. Внимательно следит император Вильгельм за появлением маленькой белокурой красавицы Аликс при русском дворе. Свадьба Сергея Александровича, брата русского царя, с немецкой принцессой может иметь и продолжение. Наследнику русского престола уже 16 лет. И гессенский род – особый в истории Романовского Семейства. Первая жена императора Павла, умершая при родах, и императрица Мария Александровна, бабка Николая, – тоже гессенские принцессы.

Так они впервые встретились: Аликс и Ники.

Идиллия: он влюбился в нее с первого взгляда. И был день, когда они оказались в Петергофе – на маленькой императорской даче «Александрия».

Уже потом, через год после женитьбы, Николай и Аликс приедут в ту же «Александрию». И Николай запишет в дневнике: «Дождь лил целый день, после кофе пошли наверх... видели окно, на котором мы оба вырезали свои имена в 1884 году». (Она любила чертить кольцом с драгоценным камнем на стекле. В Зимнем дворце на великолепных его окнах можно встретить ее автографы.)

И впоследствии они будут любить старую «Александрию», хранившую дорогие воспоминания.

Окно, и двое глядят в тот день 1884 года. Они стоят у окна и у начала своей судьбы.

Именно после этого Николай поговорил со своей сестрой Ксенией, единственной, с кем подружилась не очень общительная англо-гессенская принцесса. И Ксения дала брату совет.

Он попросил у матери брошь с бриллиантами и подарил Аликс Г. Она приняла. Николай был счастлив, но он плохо знал Аликс. Ее сознание формировалось при пуританском английском дворе: неуступчивость, воинственная суровость, надменность – таковы должны быть качества английской принцессы. Аликс решает, что вела себя неподобающе. На следующий день на детском балу в Аничковом дворце, танцуя, она больно всунула ему в руку брошь. Молча, не сказав ни слова.

И так же молча Николай отдал эту брошь сестре Ксении.

Чтобы забрать назад через 10 лет. У этой броши будет страшная судьба.

Только через пять лет семнадцатилетняя Аликс вновь появляется при русском дворе. Она приедет к сестре Элле. На самом деле – это смотрины. Все эти годы Николай сохранял воспоминание о юной красавице. И добился своего.

«Необаятельная, деревянная, холодные глаза, держится, будто аршин проглотила», – таков услужливый приговор двора. Было объявлено: принцесса не понравилась императрице. Голос императрицы-матери всегда громко звучал, когда император-отец не желал, чтобы слышали его голос.

Все было просто: политика. Политика Александра – союз России и Франции. И принцесса из Орлеанского дома, дочь графа Парижского, – вот желанная партия для цесаревича.

Никто в стране и в семье не смеет перечить властному императору. Тем более мягкий Ники, который ненавидит вступать в конфликты. В Петергофе состоялось решительное объяснение между отцом и сыном. И Ники покорно соглашается не настаивать на браке с Аликс, но... от орлеанской принцессы решительно отказывается. Он выбирает третий путь: ждать

– молча, безропотно и безнадежно. Ждать, когда Бог соединит его с Аликс. Это был единственно возможный для него стиль поведения: тишайший, покорный – но бунт.

Его дневник 1889 года открывается фотографией юной Аликс: он вклеил ее уже после ее отъезда. Он начинает ждать.

Сестра Элла (после перехода в православие – великая княгиня Елизавета Федоровна) помогла выйти отвергнутой Аликс из неприятной ситуации. Объявлено: ни о каком предполагаемом браке речь не шла и идти не могла: Аликс не намерена менять свою религию.

Аликс возвращается в Англию. Но самое удивительное – с каким-то странным облегчением. Она объясняет себе: сестра права, она не может так просто сменить религию. Слишком большое место вера занимает в ее жизни.

В следующий приезд белокурой принцессы – через год – несчастному Николаю не разрешают с ней увидеться.

Аликс остановилась у сестры Эллы в подмосковном имении Ильинское...

«20 августа 1890 года. Боже! Как мне хочется поехать в Ильинское... Иначе, если я не увижу ее теперь, то еще придется ждать целый год, а это тяжело!!!» (В отчаянии он ставит три восклицательных знака!)

Ильинское и сейчас существует под Москвой. Несколько недель живет Аликс в имении и с изумлением наблюдает... Слишком тесны связи между Дармштадтом, Лондоном и Петербургом, чтобы не знать подробностей друг о друге. Брак Эллы фиктивен из-за наклонностей мужа, и никогда сестре не суждено иметь ребенка. Но при этом Сергей Александрович изводит ее кутежами и беспричинной ревностью.

Но Аликс с изумлением видит: сестра счастлива, светятся ее глаза. Элла любит мужа, потому что так велит Бог. В любви к несчастному мужу – исполнение заповедей Господних. Преходящие радости жизни и вечная радость служения Богу...

До сих пор стоит Ильинская церковь. Тогда там горели свечи, звучали голоса певчих и две сестры стояли в храме.

Николай продолжает свой «покорный бунт». Итак, он исполнил приказание отца, но... Можно запретить ему с ней видаться, но нельзя запретить ему ждать ее. Из дневника:

«21 декабря 1890 года. Вечером у мама рассуждали о семейной жизни теперешней молодежи из общества. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души. Затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года пролетело с тех пор, как я говорил об этом с папа в Петергофе, и ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта – когда-нибудь жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она зимой провела 6 недель в Петербурге. Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты... Единственное препятствие или пропасть между ею и мною – это вопрос религии. Кроме этой преграды нет другой, я почти убежден, что наши чувства взаимны. Все в воле Божьей, уповая на его милосердие, я спокойно и покорно смотрю в будущее».

Его отправляют развеяться в путешествие. Средиземное море, Адриатика, Венеция... Жизнь – праздник! Бал! Бал!

«В гондоле съехали на берег, осмотрели дворец, собор Святого Марка, Академию и прокатились по каналу. Странное впечатление от этого города. Сидели и пили кофе на площади».

Когда он вернулся в Петербург, отец понял, что ничего не изменилось. Значит, пора действовать.

И вскоре в дневнике Николая появляется еще один важный персонаж – «Маленькая К.».

«Я страстно полюбил... Маленькую К.»

Тот канувший в Лету петербургский мартовский вечер, рысаки, подъезжавшие к знаменитому Яхт-клубу. (Блестящие офицеры гвардии, императорская свита и члены императорской фамилии состояли в клубе.) Тогда в марте 1890 года здесь впервые зазвучало имя Маленькой К.

Все члены клуба – балетоманы. Улица, где помещалось Петербургское балетное училище, в течение всего столетия была любимым местом прогулок столичных франтов. Старая традиция петербургской знати: любовница – балерина.

Так же, как гвардия, балет связан с дворцом. Великий князь... (здесь можно подставить разнообразные имена) влюбился в балерину... открыто жил с нею, купил ей дом и прижил от нее детей. Список этих скандальных историй длинный. Директор императорских театров должен быть дипломатом и стратегом – и все время находиться в курсе сложной диспозиции взаимоотношений своих подчиненных с членами императорской фамилии. Придя на балет, публика первым делом интересуется «высочайшим присутствием»: кто сидит в императорской ложе – часто это определяет положение балерины.

Из рассказов Веры Леонидовны:

«Она не была красивой, у нее были короткие ноги. Но глаза! Огромные глаза – две бездны... она манила, эта маленькая очаровательница. Она училась у итальянцев и была великолепна технически. Она протанцевала однажды 32 фуэте и, когда раздалась буря аплодисментов, мило повторила это еще раз. Кто-то сказал о ней: „Она любила балет вообще, а жизнь особенно“. Наоборот: она любила балет особенно, а жизнь вообще. Всю жизнь она стремилась стать великой балериной. Но ее так и не признали великой... Она была щедра во всем, что могло принести ей успех на сцене (и очень скупа в частной жизни). Она всем в театре угождала, делала подарки, была ласкова с рабочими сцены, с гримершами, но... ее не любили. Кроме того, в обществе стало модно фрондировать: когда ее полюбил будущий царь, она была обречена на нелюбовь зала... Моя подруга-балерина пыталась ее ошарашить. Это было замечено. И на своем спектакле моя подруга получила огромную корзину цветов. И записку: „Матильда Кшесинская Вас благодарит“. Она умела быть великолепной.

За глаза ее звали «Фея Оленьего парка»: в Оленьем парке французский король Людовик XV содержал свой гарем».

Это была – балетная семья. Ее отец – поляк Феликс Кшесинский. Весь Петербург учился у него танцевать мазурку. Он ставил балеты и танцевал сам со всеми знаменитыми балеринами того времени. К концу века на императорской сцене уже танцевали его дети – Иосиф и Юлия Кшесинские (или «Кшесинская-первая», как будут называть ее, когда стремительно взойдет звезда ее младшей сестры). Из дневника:

«23 марта 1890 г. Поехал в коляске на Елагин остров в конюшню молодых лошадей. Вернулся на новой тройке. Закусывал в восемь часов. Поехали на спектакль в театральное училище. Были небольшие пьесы и балет. Очень хорошо ужинал с воспитанницами».

За этой нескладной фразой – начало романа.

Матильда Кшесинская родилась в 1872 году. Она умрет в Париже в 1971-м, не дожив года до своего столетия. В Париже она напишет мемуары – трогательную историю о любви юной балерины к наследнику престола. Напишет она и о том вечере 23 марта 1890 года – о вечере в исчезнувшей «Атлантиде».

После выпускного бала, где присутствовали император и наследник, были накрыты столы. Неожиданно они остались на ужин. Их усадили за отдельный столик, и вдруг царь спросил: «А где же Кшесинская-вторая?»

Юную балерину подвели к царскому столу, Государь сказал ей несколько комплиментов и добавил, что знаком с ее отцом. Император-отец сам усадил балерину рядом с наследником и шутливо добавил: «Только, пожалуйста, не слишком флиртуйте». К изумлению юной балерины, Николай молча просидел около нее весь вечер.

Романтический рассказ Кшесинской сменим прозаическим повествованием. Итак, царь сам усаживает девушку рядом с сыном и даже напутствует: «Только не флиртуйте...» Яснее не скажешь.

Вера Леонидовна: «Это было обычно. Когда в зажиточных семьях подрастали юноши, в дом брали красивую и, что еще важнее, – чистую служанку... это был опасный век».

Сифилис уносил тысячи молодых жизней, пьянство и бордели были частью гвардейского быта. Здоровье наследника касалось судьбы целой страны. История с еврейкой была грозным сигналом, и отец семьи и страны решил «позаботиться» о сыне. Кшесинская – блестящая кандидатура: роман с будущей звездой балета мог только украсить биографию молодого человека. Но главным было – заставить его забыть гессенскую принцессу. Потому и был задуман этот приход в училище.

Поняла ли юная балерина условия игры? Или все было для нее действительно в романтическом ореоле: наследник, цесаревич! И тогда эту игру вели взрослые. Но при всех вариантах это была игра.

Только летом маленькой большеглазой девушке удалось продолжить роман. В июле 1890 года Матильда Кшесинская была принята в труппу Мариинского императорского театра. В Красном Селе шли учения гвардии, в которых принимал участие Николай. Там императорский балет танцевал летний сезон.

Она знала – это случится во время антракта: великие князья любили приходить за кулисы. И с ними наверняка придет он. Знала – он хочет прийти.

И он пришел. Так они встретились за кулисами. Он говорил какие-то незначущие слова, а она все ждала... И опять на следующий день он был за кулисами, и опять – ничего. Однажды в антракте ее задержали. И когда она вбежала на сцену, разгоряченная, с пылающими глазами... как она боялась упустить своего робкого обожателя... Николай уже уходил. Когда он увидел ее, у него вырвалось ревнивое, беспомощное: «Я уверен, вы только что флиртовали!» И, смешавшись, убежал... Так он объяснился.

Дирекцию императорских театров возглавлял тогда И.А. Всеволожский. Жил он богатым русским барином, но, ко всеобщему изумлению, за артистками не волочился. У него были другие страсти: он обожал хороший стол, держал повара-француза, любил французскую комедию и итальянскую оперу. Но Александр III был патриотом, и потому на императорской сцене теперь властвовало национальное искусство. И несчастный Всеволожский должен был полюбить русскую оперу, которую он прозвал «щимоль», и русского драматурга Островского. И он полюбил – с готовностью, потому что всегда желал угодить царю.

И оттого он сразу отметил новую балерину.

Царская Семья занимала первую левую ложу. Ложа была почти что на сцене. И, танцуя рядом, новая балерина Кшесинская-вторая пожирала своими огромными глазами наследника, сидевшего в ложе вместе с отцом. И самое удивительное, это не вызвало никакого неудовольствия у грозного императора. Всеволожский все понял – и с этого мгновения он заботился, чтобы партии в балетах доставались этой балерине. В кратчайший срок она завоевует положение примадонны императорского балета.

«17 июня... Происходили отрядные маневры... Кшесинская-вторая мне положительно очень нравится».

«30 июня. Красное Село. Дело на горке сильно разгорелось... Был в театре, разговаривал с Маленькой К. перед окном [ложи]».

В Париже она вспоминала, как он стоял в окне ложи, а она на сцене перед ним. И опять разговор кончился прелестным ничем. А потом он пришел проститься: он уезжал в кругосветное путешествие.

«1 июля... В последний раз поехал в милый Красносельский театр проститься с К. Ужинал у мама до часу».

Она его не понимала. А все было так просто: ожидание Аликс Г. Он сохранял верность.

Теперь Маленькая К. ежедневно читает газеты – она следит за его путешествием. И вот приходит весть, повергнувшая в изумление Петербург: на улице маленького японского городка на наследника напал полицейский и рассек ему голову мечом. Николай чудом остался жив.

Столица полна слухов. Фантастические версии о некоей любовной истории, недопустимом ухаживании чрезмерно предприимчивого Николая (она, уже понявшая характер своего робкого воздыхателя, не поверила). Наконец, нападавший был объявлен сумасшедшим фанатиком.

«27 апреля 1891 года. Прибыли в Киото: глаза просто разбегаются, такие чудеса видели мы. Видели стрельбу из лука и скачки в старинных костюмах... В девять отправились с Джорджи (греческим принцем Георгием, сопровождавшим его в путешествии. – Э.Р.) в чайный домик. Джорджи танцевал, вызывая визги смеха у гейш».

«Но и во сне воды Джиона текут под моей подушкой». Джион – квартал чайных домиков в Киото, сотни гейш заполняли его улочки. Обитательницы чайных домиков – парчовые куклы в затканых золотом кимоно. Японская эротика – утонченнее и чувственнее грубых предложений любви на европейских улицах... Заканчивается чайная церемония... Все дальнейшее остается тайной...

«29 апреля. Проснулся чудесным днем, конец которого мне не видать, если бы не спасло меня от смерти великое милосердие Господа Бога.

Из Киото отправились в джен-рикшах в небольшой город Отсу...

В Отсу поехали в дом маленького, кругленького губернатора. У него в доме, совершенно европейском, был устроен базар, где каждый из нас разорился на какую-нибудь мелочь. Тут Джорджи и купил свою бамбуковую палку, сослужившую через час мне такую великую службу. После завтрака собрались в обратный путь, Джорджи и я радовались, что удастся отдохнуть в Киото до вечера. Выехали в джен-рикшах и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы, над ухом. Повернулся и увидел мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблей в обеих руках. Я только крикнул: «Что, что тебе?»... И выпрыгнул

через джен-рикшу на мостовую. Увидев, что урод направляется ко мне и что никто не останавливает его, я бросился бежать по улице, придерживая рукой кровь, брызнувшую из раны. Я хотел скрыться в толпе, но не мог, потому что японцы, сами перепуганные, разбежались во все стороны... Обернувшись на ходу еще раз, я заметил Джорджи, бежавшим за преследовавшим меня полицейским... Наконец, пробежав всего шагов 60, я остановился за углом переулочка и оглянулся назад. Тогда, слава Богу, все было окончено. Джорджи – мой спаситель, одним ударом своей палки повалил мерзавца, и, когда я подходил к нему, наши джен-рикши и несколько полицейских тащили того за ноги. Один из них хватил его же саблей по шее. Чего я не мог понять – каким путем Джорджи, я и тот фанатик остались одни, посреди улицы, как никто из толпы не бросился помогать мне... Из свиты, очевидно, никто не мог помочь, так как они ехали длинной вереницей, даже принц Ари Сугава, ехавший третьим, ничего не видел. Мне пришлось всех успокаивать и подольше оставаться на ногах. Рамбах (доктор) сделал первую перевязку и, главное, – остановил кровь. Народ на улицах меня тронул: большинство становилось на колени и поднимало руки в знак сожаления. Более всего меня мучила мысль о беспокойстве дорогих папа и мама, и как написать им об этом случае».

Поразителен возглас Николая в эту гибельную минуту, записанный им самим: «Что, что?...»

Через 27 лет тот же возглас Николая и тоже в гибельную минуту – когда он стоял в том полуподвале в Екатеринбурге – запишет его убийца Юровский...

Итак, в 1891 году, уже во второй раз в жизни, он избежал смерти. Николай начинает ощущать себя под защитой Его. Он не дает ему погибнуть. Значит, у него иное предназначение?

«1 мая. Токио. Я несколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика. Мне также, как прежде, люб их образцовый порядок и чистота, и, должен сознаться, продолжаю засматриваться на..., которых издали вижу на улице. Принят микадо в одиннадцать часов...»

Отец велит ему возвращаться в Петербург. И опять все радостно, жизнь – бал. Во Владивостоке он участвует в закладке Великого железнодорожного пути через всю Сибирь. И веселое путешествие по сибирским рекам, с картежной игрой, попойками – праздник вторично избежавшего смерти.

На обратном пути он посетит Тобольск.

«10 июля 1891 года. В семь часов пришли в Тобольск при тусклом, сером освещении; на пристани, как всегда, встретил городской голова с хлебом-солью, граждане города Тюмени, ремесленное общество с блюдами и почетный караул... Сел в коляску, поехал на гору в собор, – по оригинальным дощатым улицам города. Из собора пошли осматривать ризницы, где хранятся большинство предметов, относящихся ко времени покорения Сибири. Поехал в музей, здесь меня более всего интересовал колокол, сосланный из Углича за то, что он бил в набат в день смерти царевича Дмитрия...»

Впоследствии и он сам, как этот колокол, будет сослан в Тобольск. В том грядущем, пока еще далеком 1918 году нового XX века, арестованный, он будет пытаться увидеть из-за забора краешек улицы и город, которым любовался в дни юности.

Он вернулся. Не останавливаясь в Петербурге, он приезжает к родителям в Красное Село.

«7 августа 1891 года. Странно было, что не надо никуда ехать, и не будет больше ночлегов с поздними приездами и ранними отъездами».

Прежняя размеренная жизнь вступает в свои права.

«7 декабря. Великолепно выпавшись... после кофе отправились в санках... Наслаждался в своей сибирской дохе...»

«15 декабря. Утром принимал целый воз бумаг из Государственного совета и Комитета министров. Просто не понимаю, как можно успеть в одну неделю прочесть такую массу бумаг. Я постоянно ограничиваюсь одним-двумя делами, самыми интересными, остальные идут прямо в огонь».

«31 декабря. Не могу сказать, чтоб сожалел, что 1891 год закончился. Он был, положительно, роковым для всего нашего семейства: смерть тети Ольги (матери его друзей, Михайловичей. – Э.Р.)... болезнь и долгая разлука с Георгием (братом. – Э.Р.), и, наконец, мой случай в Отсу – все следовало быстро, одно за другим. И голод присоединился к этим тяжелым несчастьям. Молю Бога, чтобы будущий год не был похож на прежний...»

И опять наступил март.

«5 марта 1892 года. Мама говорит, что меня почти не видит, так много я шатаюсь, но, то не мое мнение, мне кажется, в мои годы так и следует».

«8 марта. Проснулся в обрез к обедне, я так крепко сплю, что меня даже в отчаяние приводит».

Так идет эта рассеянная жизнь. Аликс далеко, миф, мечта, – а рядом эта влюбленная девочка, которая так нравится ему, Сергею, всей его милой компании...

«25 марта. Вернулся в Аничков при снеге, валившемся хлопьями. И это называется весна? Обедал с Сергеем у себя, а потом поехал навестить Кшесинских, где провел полтора приятных часа...»

В тот день Николай отважился на поступок, удивительный для нерешительного молодого человека.

Должно быть, смелое решение было принято во время обеда, о котором он пишет. Вино и эта беседа с другом детства великим князем Сергеем Михайловичем, который не скрывал восторга перед чарами юной балерины... Можно даже представить, о чем они говорили, – ведь в том марте минуло ровно два года, как он впервые увидел Матильду. И можно легко вообразить, что насмешливо посоветовал ему ловелас, блестящий петербургский денди великий князь Сергей...

И Николай решился.

Кшесинская вспоминала тот мартовский петербургский день... Она сидела дома больная, с перевязанным глазом. Романтическую К. мучил в эти дни прозаический фурункул. Служанка доложила, что ее хочет видеть некий гвардейский офицер, господин Волков. Удивленная балерина, не зная господина Волкова, все-таки велела провести его в гостиную. И не поверила своим глазам (вернее, одному, здоровому) – в гостиной стоял Николай.

Видимо, цесаревич воспользовался фамилией своего наставника в военном ремесле – все того же Александра Волкова.

Впервые они были одни. Они объяснились, и... более ничего! Через «приятных полтора часа» он, к изумлению Маленькой К., удалился!

На следующий день она получает записку: «С тех пор, как я вас встретил, я прямо как в тумане. Я надеюсь, скоро смогу прийти еще. Ники».

Теперь для нее он – Ники. Начинается прелестная и, что поразительно для нравов, невинная любовная игра. Его товарищи по корпусу приносят цветы от влюбленного. И сам влюбленный теперь частый гость в квартире Феликса Кшесинского. Но каждый раз, когда он приходит, это странно совпадает с отсутствием остальной семьи.

Записки (когда он не приходит) следуют непрерывно. Теперь он называет ее «панночкой».

«Думай о том, что сделал Андрий, обожая молодую панночку».

Он зря тревожит гоголевские персонажи – история казака Андрия, предавшего заветы отца, старого Тараса Бульбы, ради любви к панночке – здесь совершенно неуместна.

Потому что за кулисами его любовной истории все время стоит сам грозный Бульба – отец-император. Хотя, впрочем... Во время встреч с Матильдой он постоянно продолжал мечтать о другой. Против которой был отец, союз с которой был бы предательством «старого Бульбы». Кшесинская была всего лишь лжепанночка. В тайниках его души – истинная панночка по-прежнему – Аликс Г.

И он странно соединил их обеих.

«31 марта. Заехали на короткое время к дяде Мише... Он повел по комнатам своей покойной жены – ничего не тронуто». Здесь он думает об Аликс... Трогательная любовь родителей его друзей Михайловичей, любовь супружеская – это Аликс Г.

«Вернулся в Гатчину. У меня самое непостное настроение (в это время был Великий пост. – Э.Р.). Хорошо еще в этом случае, что живу в Гатчине и в 49 верстах от столицы».

Это – уже Матильда...

«1 апреля... Весьма странное явление, которое я в себе замечаю: я никогда не думал, что два одинаковых чувства, две любви одновременно совместились в душе. Теперь уже пошел четвертый год, что я люблю Аликс Г. и постоянно лелею мысль, если Бог даст на ней когда-нибудь жениться... А с лагеря 1890 года по сие время я страстно полюбил (платонически) Маленькую К. Удивительная вещь, наше сердце. Вместе с этим я не перестаю думать об Аликс, право, можно было заключить после этого, что я очень влюбчив. До известной степени да! Но я должен прибавить, что внутри я строгий судья и до крайности разборчив, – вот это и есть то настроение, которое я вчера назвал непостным».

А пока – веселое общество почти ежедневно собирается по вечерам в комнате Маленькой К. Николай приходит с друзьями Михайловичами: Сергей, Сандро и Георгий. Три великих князя и наследник – в скромной квартире модного учителя балетных танцев... И Ники смешно показывает, как она танцует танец маленьких лебедей.

Вместе с императором Ники уезжает в Данию, и оттуда Матильда получает страстные письма. Но, одновременно с этими письмами, Николай осторожно продолжает разговор с отцом об Аликс.

Император обеспокоен – его игра пока безрезультатна. Не оттого ли начался решительный натиск «панночки»?

«В это время я все больше думала о близости, – будет вспоминать она в Париже. – Я обожала царевича и хотела только одного – моего счастья, каким бы коротким оно ни было».

Да, она сумела наконец заставить Николая принять решение. На Английской набережной был снят «восхитительный отель», где должна была, наконец, закончиться платоническая любовь. Этот отель принадлежал когда-то великому князю Константину Николаевичу и был куплен для танцовщицы Кузнецовой (все, все повторялось)... Маленькая К. уезжала из дома и открыто становилась любовницей цесаревича.

«Отец был убит. Он спросил: отдаю ли я себе отчет, что никогда не смогу выйти за него замуж? И что наша идиллия будет очень короткой? Я ответила: понимаю, но мне все равно. Я хочу испытать все счастье, которое мне отпущено».

Вот так уже в старости описала сцену Кшесинская. Но можно и прозаичнее. Ее отец попросту сообщил ей условия, на которых другой отец, вершивший страной и семьей, решил существование связи. И условие это: брак цесаревича должен будет немедленно прекратить все их отношения.

И в этой игре император остался хорошим семьянином.

Итак, она победила. Но победа была началом конца. «Мы устроили праздник-новоселье... И царевич подарил мне водочный сервиз – 8 золотых рюмок, инкрустированных драгоценными камнями...»

«Очень часто он приносил мне подарки. Я отказывалась брать, но он так грустил, что мне... приходилось брать».

Она перестала быть мечтой. И он все больше тосковал о далекой красавице. Жизнь и греза: маленькая доступная Матильда – и высокая царственная принцесса. Маленькая К. исчезает из дневников.

Закончился еще один год его жизни.

«31 декабря. Милый Аничков сиял электричеством. В 7 с половиной пошли к молебну. В 12 часов втроем – я с папа и мама встретили Новый год. Дай Бог, чтобы он был такой же, как этот».

В это время Маленькая К. танцевала партию за партией. Но так и должно было быть – первый юноша России должен был иметь любовницей первую балерину.

Когда великий балетмейстер Мариус Петипа назначил ее танцевать Эсмеральду, он спросил: «Ты влюблена?» – «Да». – «Ты страдаешь?» – «Конечно же, нет!» – радостно ответила Маленькая К. Петипа объяснил ей, что только артистка, которая умеет страдать, может танцевать Эсмеральду.

«Я поняла это позже, – печально вспоминала Матильда, – и тогда Эсмеральда стала моей лучшей ролью».

Да, ей пришлось это понять... Теперь она видела Николая все реже. Но она еще цеплялась за старые связи – в ее доме состоялась веселая помолвка любимого друга Ники – Сандро с сестрой Ники Ксенией...

Они пили шампанское в спальне прямо на полу. Но все это было в последний раз...

Николай уехал в Кобург на свадьбу брата Аликс Эрни. И уже вскоре газеты написали о помолвке цесаревича и Алисы Гессен-Дармштадтской. После возвращения из Кобурга он больше никогда не приходил к Маленькой К.

Они обменялись письмами. Она попросила у него разрешения обращаться к нему, если это будет необходимо. Она осталась предусмотрительной. Он ответил: дни, проведенные рядом с нею, останутся навсегда прекраснейшими воспоминаниями его молодости – она всегда сможет к нему обратиться.

Он попросил Матильду назначить место последнего свидания. Они встретились на дороге из Петербурга в Красное Село. Она приехала в карете из города, а он верхом, из лагеря. «Как всегда в таких случаях, трудно сказать что-нибудь – душили рыдания и не найти нужных слов». Она смотрела ему вслед, а он удалялся, удалялся, все время оборачиваясь в седле.

Так она описала конец.

Послесловие к игре

Но на самом деле отважная Маленькая К. попыталась продолжать: «В своей печали я не была одна. Великий князь Сергей Михайлович оставался рядом со мной, чтобы покровительствовать и помогать. Никогда я не испытывала к нему тех чувств, как к царевичу, но его привязанность, его манеры покорили мое сердце».

Можно изложить трогательное воспоминание опять прозаически: она перешла к тому, кто мог обеспечить ее прежнее положение в балете. Ибо всегда была верна только одному – Балету.

Великий князь Сергей Михайлович руководил Театральным обществом и русским балетом. (К сожалению, одновременно с балетом Сергей Михайлович управлял всей русской артиллерией. «В результате, – желчно острили тогда, – мы имели очень хороший балет, но, к сожалению, не имели артиллерии».)

И вновь ее тень – на пороге дворца. Каждый раз, когда Ники видит своего старого друга Сергея, он должен вспоминать... Впрочем, и сама она часто пользовалась его: «Вы всегда сможете ко мне обращаться».

В мае 1896 года в Москве состоялась коронация и блестящий гала-концерт. На сцене – все лучшее в русском искусстве. Балетный акт должна была танцевать первая балерина России.

Всем было ясно, что Матильда танцевать не будет. Таково было пожелание вдовствующей императрицы – всеильной матери нового царя. Министр двора и директор императорских театров вычеркнули скандальное имя из списка исполнительниц.

Коронационный спектакль был назначен в Большом театре – танцевали акт балета «Жемчужина» в постановке Петипа. И, когда изумленная публика увидела программу, – там стояло имя... Матильды Кшесинской! Она танцевала главную партию! Да, они все сделали – и мать, и министр двора, – чтобы убедить Ники не допустить скандальной ситуации, но... Она слишком хорошо знала своего прежнего любовника.

Она поехала к любимому брату покойного Александра III – великому князю Владимиру. Можно только догадываться, какое оружие она применила, но стареющий донжуан отправился сам упрямить Николая. С другой стороны выступил любимый друг детства Сергей... И Николай распорядился вписать ее имя.

Так Маленькая К. показала всем прежнюю силу. Да, она умела ладить с Романовыми! И великий князь Владимир Александрович всегда будет служить ей, как, впрочем, и Николай, и Сергей... Он не посмеет противиться даже ее роману с собственным сыном Андреем и согласится крестить их ребенка, которого назовут в его честь Владимиром.

И после этого она не давала забыть о себе. В Михайловском театре, когда ожидали царя, она часто занимала ложу бельэтажа напротив его ложи.

И он ее никогда не забывал. Все-таки она была единственной любовницей во всей его жизни.

13 февраля 1911 года, когда был объявлен ее бенефис – прощание со сценой, он решил сам прийти на этот спектакль и вручить ей традиционный подарок. Накануне бенефиса театр напоминал осажденный город. Было объявлено, что мать Государя приедет на спектакль вместе с ним. Все поняли – вдовствующая императрица решила не дать Николаю встретиться наедине с «этой женщиной». Так ее боялись.

Министр двора вызвал директора императорских театров:

– Государь не должен вызывать к себе в ложу «эту женщину». Если это произойдет, вдовствующая императрица вам не простит.

В день бенефиса прислали подарок от царя – кулон в виде бриллиантового орла. «Этот подарок Государь собирается вручить Кшесинской сам», – так объяснили директору, к его ужасу. Но, когда Николай прибыл вместе с матерью, хитроумный директор вдруг громко спросил:

– Подарок госпоже Кшесинской, Ваше Величество, прикажете передать сейчас? Или во время публичного чествования?

О, как посмотрела мать на несчастного Николая!

– Конечно... Конечно... Можно и сейчас, – беспомощно пробормотал царь.

И торжествующий директор отправился к Матильде и сам вручил этот подарок...

Прощальный бенефис. Сколько раз она будет прощаться со сценой – но до 1917 года престарелая балерина будет продолжать танцевать, несмотря на эти многочисленные прощания. И все это время любимыми средствами удерживать около себя Романовскую Семью.

«О ее доме в Стрельне, – рассказывала Вера Леонидовна, – ходили легенды. Сколько юных танцовщиц, начинающих дебютанток прошли через этот дворец! Балерин собирали в огромном зале... Гасли свечи, в темноте открывались двери, и толпа молодых великих князей радостными жеребцами врывается в комнату – это называлось „Похищение Сабинянок“. „Живые картины“ продолжались до утра в бесконечных комнатах, где уединялись похитители и похищенные».

В Первую мировую войну Сергея Михайловича и Кшесинскую обвиняли в громадных взятках, которые они получали за выгодное размещение заказов на снаряды и пушки. В Стрельне шла большая карточная игра, и там раздавались концессии, ворочали миллионами.

«Скоро ли Сергей будет смещен со своего поста, так все против него... К. опять в этом замешана», – грозно писала Николаю Аликс. Но Николай не выдал Маленькую К. даже ей.

Все эти годы Сергей Михайлович – рядом с Маленькой К. Но на пороге XX века, когда у ветреного великого князя начался серьезный роман, Маленькая К. тотчас позаботилась о новом Романове. В «восхитительном отеле» появился еще один обитатель. Он был также голубоглаз и стеснителен... При первом знакомстве он пролил вино на ее платье, и ей окончательно показалось, что в этом юноше к ней вернулся Ники. Так вошел в ее жизнь великий князь Андрей Владимирович... Они уехали в Венецию, потом в Прованс, и там он купил ей дом на берегу моря – это был третий дом, купленный ей очередным Романовым. Когда они вернулись в Петербург, Сергей Михайлович снова был рядом с нею. А потом у нее родился сын Владимир. Знала ли она точно, чей это был сын? Знала – сын Романова!

В феврале 1917 года состоялся последний прием в ее доме. На следующее утро, когда ее эконо́м проверял сервиз и серебро, она увидела из окна, как бесконечная толпа загибалась на мост – туда, к его дворцу. Потом ей позвонил глава Петроградской полиции, сказал кратко: «Ситуация критическая, спасайте все, что можете».

Вера Леонидовна:

«В дни февраля 1917 года я была на квартире моего знакомого, знаменитого артиста Юрьева... И там несколько дней спасалась Матильда. Она пришла туда переодетая, в жалком пальто, в каком-то платке, с маленьким сыном, собачкой и крохотным ридикюлем. Там лежало все, что осталось у нее от дворцов и несметных богатств...»

И она показала дрожащими, в темных старческих пятнах руками, как Кшесинская держала свой ридикюль.

«Дворец Кшесинской» после Февральской революции заняли большевики. В верхних комнатах было накурено махоркой, по затоптанным лестницам ходили бесконечные посетители, матросы несли охрану. В ее любимой зале, той, где высокое зеркало над каминной доской и зимний сад, в апреле 1917 года была конференция большевиков. И здесь, на ее стульях, сидел Филипп Голощекин, получивший назначение руководить большевиками Урала. Он и будет тем человеком, который решит судьбу двух близких ей людей – Николая и Сергея.

Она не верила в стабильность ситуации, во Временное правительство. Она уезжает из Петрограда вместе с сыном.

На вокзале их провожал Сергей Михайлович. Поезд отходил. Он стоял, в длинном пальто, в шляпе, как видение из того, навсегда исчезнувшего мира.

В Кисловодске ее встречал Андрей. Там же она получила последнее письмо от Сергея Михайловича. Письмо шло очень долго. И в то время, когда она читала, его автор, блестящий петербургский щеголь, в грязных опорках, в кровоподтеках от ударов, с простреленной головой лежал на дне шахты; а другой царственный любовник, обезображенный серной кислотой, нашел пристанище на дне ямы в лесу под Екатеринбургом.

Уже в Париже мечта Маленькой К. наконец сбылась: великий князь Андрей Владимирович женился на ней. Его брат, Кирилл, стал русским императором в изгнании, а она – его законной родственницей...

«Там, у окна, в Кобургском замке»

(Продолжение дневника молодого человека)

В начале 1894 года стало ясно: жить Александру III оставалось недолго. Видимо, это было следствием того ужасного крушения поезда в Борках – он получил тогда ушиб, который развился в смертельную болезнь почек. Надо было срочно готовить брак наследника.

Внезапная смертельная болезнь императора закончила игру с участием Маленькой К.

Заработали дипломаты, – пошла непрерывная переписка между Петербургом и Дармштадтом.

В апреле в Кобурге была назначена свадьба брата Аликс – Эрни с Саксен-Кобургской принцессой Викторией-Мелиттой (в семье ее звали Даки). Император Вильгельм II, английская королева, бесчисленные принцы съезжались в Кобург. На пороге грозного нового века состоялся один из последних блестящих балов королевской Европы.

Россию представлял мощный десант великих князей. Приехал и священник, отец Иоанн Янышев – духовник Царской Семьи. Его присутствие ясно говорило о самых серьезных намерениях прибывших. Прибыла в Кобург и Екатерина Адольфовна Шнейдер – она учила русскому языку Элли, родную сестру Аликс. В случае успеха дела она должна была обучать русскому языку гессенскую принцессу. И, конечно же, приехала любимая сестра Элла.

Итак, на свадьбе Эрни должна была произойти помолвка Аликс. Это знали все. Из дневника Николая:

«5 апреля... Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустной. Нас оставили вдвоем, и тогда начался меж нами тот разговор, которого я давно очень желал и... очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно: она все противилась перемене религии, она, бедная, много плакала, расстались более спокойно...»

Все утонуло в сирени. Холодная прекрасная весна. Так начались эти дни. Несмотря на ее отказ, он был радостно спокоен, он знал, что все их родные за этот брак, и главное – он знал, что она его любит. Было правило, которое он открыл для себя, дважды оказавшись на краю гибели: во всем полагаться на Бога. Этим он будет руководствоваться всю дальнейшую жизнь. Но в те кобургские дни, нарушая это правило, он очень настойчив. Девушка, которую он хотел в жены, была глубоко религиозна. И он щемяще жалел ее, понимая, что значила для нее перемена религии. И, любя ее за это отчаяние и слезы, он своей ласковой настойчивостью помогал переложить на него ответственность за решение.

А она... она много плакала в эти дни.

Впоследствии она много раз будет писать, как трудно ей было принять это решение – поменять религию. Конечно, религия играла огромную роль в ее жизни. Но ведь и ее прабабушки, гессенские принцессы, отправлявшиеся в далекую Россию, меняли религию. И ее сестра Элла, принявшая православие, была счастлива в новой религии. Нет-нет, было еще что-то, отчего она плакала все эти дни. И это «что-то» она не могла выразить словами: натурам экзальтированным, нервным в решающие минуты судьбы дано предчувствовать будущее. Не оттого ли она почти с ужасом, из последних сил, пыталась говорить ему «нет»?

«7 апреля. День свадьбы Даки и Эрни. Началось с того, что я опоздал на завтрак, и мне пришлось идти петухом перед толпой на площади. В 12 часов все собрались наверху, и после подписания акта гражданского брака пошли в церковь. Эрни и Даки – хорошая пара. Пастор сказал хорошую проповедь, содержание которой удивительно подходило к существу переживаемого мной вопроса. Мне в эту минуту страшно захотелось посмотреть в душу Аликс. После свадьбы был семейный обед... Молодые уехали в Дармштадт. Пошли гулять с дядей Владимиром, доползли, наконец, до замка... Подробно осмотрели музей оружия. Обедали у тети Мари, в мундирах, из-за императора, который штатского не одевает. И затем пошли, скорее перебежали, под ливнем в театр. Давали первый акт „Паяцев“.

Как весело ему было карабкаться на гору в этот замок, а потом вечером перебегать улицу и в мокром мундире сидеть в театре! Ему все было тогда весело, потому что он знал: все должно случиться и уже завтра обязательно случится! И он любил их всех: милый Эрни, милая Даки, милый Вилли, так смешно обожавший мундиры, и милый дядя Владимир...

«8 апреля (число трижды подчеркнуто им в дневнике – Э.Р.). Чудный, незабвенный день в моей жизни! День моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После разговора с ней мы объяснились между собой... Какой радостью удалось обрадовать дорогих папа и мама. Я целый день ходил как в дурмане, не сознавая, что, собственно, со мной произошло... Потом был устроен бал. Мне было не до танцев, ходил и сидел в саду с моей невестой. Даже не верится, что у меня – невеста».

В письме к матери он описал подробнее странное отчаяние и слезы Аликс:

«Она плакала все время, и только от времени до времени произносила шепотом: „Нет, я не могу...“ Я, однако, продолжал настаивать и повторять свои доводы, и хотя этот разговор длился 2 часа, он не привел ни к чему... Я передал ей ваше письмо (письмо датской принцессы, счастливо сменившей свою религию. – Э.Р.), и после того она не могла уже спорить... Она вышла к нам в гостиную, где мы сидели с Эллой и Вильгельмом (ах, как ждал император этого брака! – Э.Р.), и тут, с первого слова, она согласилась. Одному Богу известно, что произошло со мной. Я плакал, как ребенок, и она тоже. Нет, дорогая мама, я не могу выразить, как я счастлив. Весь мир сразу изменился для меня: природа, люди – все мне кажется добрыми, милыми и счастливыми. Я не могу даже писать, до того дрожат мои руки... Она совершенно переменилась, стала веселой, забавной, разговорчивой».

Он подарил ей кольцо с рубином и вернул ту самую брошь – когда-то подаренную на балу. Она носила его кольцо на шее, вместе с крестом, и брошь всегда была с ней.

Из ее письма в 21-ю годовщину помолвки:

«8 апреля 1915 года. Мои молитвы витают вокруг тебя в нашу годовщину. Ты знаешь, я сохранила... платье принцессы, которое я носила в то утро. И я буду носить твою дорогую брошку».

В 22-ю годовщину: «8 апреля 1916 года. Я хотела бы крепко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства. Сегодня я буду носить твою дорогую брошку... Я все еще чувствую твою серую одежду... ее запах – там, у окна, в кобургском замке...»

В грязном кострище, где сожгли их одежду утром 17 июля 1918 года, будет найден бриллиант в 12 карат. То, что осталось от броши. Она была с ней до конца.

Но тогда... как он был счастлив тогда! И она тоже старалась быть счастливой. Но все-таки продолжала плакать и в эти дни. Окружающие ничего не понимали. Наблюдая ее слезы, простодушная фрейлина записала в дневник то, что должна была записать: Аликс не любит своего будущего супруга. Да она и сама не понимала своих слез...

«Те сладкие поцелуи, о которых я грезил и тосковала столько лет и которые уже не надеялась получить... Если на что-то я решусь – то уже навсегда. То же самое в моей любви и привязанности – слишком большое сердце, оно пожирает меня...» (Письмо от 8 апреля 1916 года.)

А он – он был безоглядно счастлив. Всю жизнь он весело будет вспоминать, как играл оркестр в кобургском замке и как во время брачной церемонии, утомленный обедом, засыпал дядя Альфред (герцог Эдинбургский) и с грохотом ронял свою палку... Как он верил тогда в будущее! И все эти дяди и тети (королева, император, герцоги, принцы, князья), еще решавшие тогда судьбы народов, толпились в залах кобургского замка и тоже – верили в будущее. Если бы они смогли тогда увидеть будущее!

Молодожены Эрн и Даки, «хорошая пара», уже вскоре разойдутся, сестра Элла погибнет на дне шахты. Дядя Вилли, столь любящий военные мундиры и ожидающий военного союза с Россией, начнет войну с Россией. И дядя Павел, танцующий сейчас мазурку, будет лежать с простреленным сердцем, и сам Ники...

«Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь».

9 апреля Александр Волков был отправлен своим хозяином, великим князем Павлом, передать подарок по случаю помолвки. Он застал Николая и Александру в гостиной: они сидели на диване, держась за руки. Они были поглощены друг другом, и Николай не сразу заметил Волкова: – А, это ты, милый друг Волков!

И Волков был тоже – милый. Все были «милые» (любимое слово Николая).

В это время Екатерина Адольфовна Шнейдер уже занималась с Аликс русским языком. Они спрягали глаголы, и Аликс аккуратно записывала их в тетрадь. Она любила учиться.

Я листаю ее учебные тетради: Аликс училась языку, спрягая три глагола – «забыть», «петь» и «верить».

Забыть! Забыть – все, что она необъяснимо предчувствует. И верить! И петь!

Ее учительница, Екатерина Шнейдер, станет гофлектрисой при императорском дворе и в 1917 году добровольно отправится в ссылку со своей ученицей. В 1918 году за тысячу километров от Петербурга, на дороге к ассенизационным ямам, расстреляют старую гофлектрису.

Счастливейшие дни после помолвки. Поэтическая любовь в стиле Гёте: они ездят с Аликс в шарабане, собирают цветы по окрестностям...

Наступает Пасха... В Страстную субботу приехавшие из Петербурга певчие открывают принцессе торжественную благодать православного богослужения. С певчими приехал фельдъегерь из Петербурга – он привез подарки, письма царя и царицы и орден – ей, Аликс...

12 дней прошли. «20 апреля... Поехал с Аликс на станцию и там простился с нею. Как пусто мне показалось, когда я вернулся домой... Итак, придется провести полтора месяца в разлуке. Я бродил один по знакомым и дорогим мне теперь местам и собирал ее любимые цветы, которые отправил ей в письме вечером...»

«21 апреля. Завтракали... у моего прибора стояла прежняя карточка Аликс, окруженная знакомыми розовыми цветами...»

Аликс уехала в Англию, в Виндзор, к королеве Виктории. Но уже через полтора месяца яхта «Полярная Звезда» подошла к английскому берегу. Это была любимая яхта Николая, и она станет любимой яхтой Аликс и их детей. Яхта вошла в Темзу.

«Проводили целые дни вместе, катались на лодке, устраивая на берегу пикники, – настоящая идиллия... Но затем мы должны были отправиться в Виндзор. Впрочем, не могу жаловаться – бабушка (королева Виктория. – Э.Р.) была очень любезна и разрешила нам выезжать без всяких компаньонов... Признаюсь, я никак не ожидала от нее этого...» Даже пуританский этикет двора королевы Виктории уступил этой любви!

Все это время она вписывает ему в дневник свои любимые изречения: «Счастье и нужду переживают они вместе – и от первого поцелуя до последнего вздоха они о любви лишь поют друг другу». «Всегда верная и любящая, преданная и чистая, и сильная, как смерть».

Так слово «смерть», записанное ее рукою, появилось в его дневнике.

«11 июля. Грустный день расставанья, разлуки после более месяца райского блаженного житья. На „Полярной Звезде“ получил письмо от Аликс. Совсем устал и грустен».

Расставаясь, они договорились писать друг другу. Сказка братьев Гримм: уходящая яхта, башни королевского замка, принцесса и цесаревич...

Отголосок этой сказки сохранился в загаженной охраной, испещренной похабными изображениями уборной в их последнем доме в Екатеринбурге... В 1918 году, после их гибели, в этой уборной за трубами была найдена маленькая книжечка с шифром и надписью:

«Для моего... любимого Ники полезно употреблять, когда он вдали от своего „спиц-буп“. От любящей Алисы. Осборн, июль 1894».

Это была книжечка шифров для их будущей переписки (она обожала таинственность), которую дала ему «любящая Алиса» тогда – в счастливые июльские дни в Осборне.

Ники и Аликс – «хорошая пара». Расставшись, они почти ежедневно пишут друг другу письма.

Тонкие листочки с маленькими коронами – их письма. Он пишет ей из замка в Спале, где он охотится, из императорского поезда, который везет его в Ливадию к умирающему отцу... Сотни его писем. И сотни ее ответов... Бесконечные заклинания любви.

В начале октября в Дармштадте Аликс получила телеграмму, срочно вызывавшую ее в Крым: Александр умирал. В Берлине на вокзале ее провожал император Вильгельм (какие у него были надежды!). Он знает твердый, неумолимый характер прелестной Аликс и мягкость милого Ники. Он не сомневается, кто будет руководить в этом союзе. И верит: она не забудет свою родину.

Но он плохо знает гессенскую принцессу.

«Мой народ стал твоим народом, и мой Бог стал твоим Богом». Так ее учило прошлое гессенских принцесс, уезжавших в далекие земли.

Император умирал. В спальню к умирающему медленно идет знаменитый доктор Захарьин. Доктор страдает одышкой, он не может пройти и нескольких шагов, чтобы не присесть, поэтому вся зала по пути в спальню уставлена креслами.

В спальне императора – священник Иоанн Кронштадтский и духовник царя отец Иоанн Янышев. И доктора. Они встретились около умирающего: бессильная медицина и всеильная молитва, облегчившая ему последние страдания.

Все кончено. Двери спальни открылись. В огромном вольтеровском кресле тонет тело мертвого императора. Императрица обнимает его. Чуть поодаль стоит бледный Ники. Император скончался, сидя в кресле.

Глава 3. «Голова кругом, верить не хочется...»

(Дневник молодого царя)

«20 октября 1894 года. Боже мой! Боже мой! Что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого папа. Голова кругом, верить не хочется, кажется до того неправдоподобно, ужасная действительность! Все утро мы провели около него. Около половины третьего он причастился Святых Тайн. О, Господь! Больше часа стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого...»

«21 октября. И в глубокой печали Господь дает нам радость тихую и светлую. В десять часов моя Аликс была миропомазана. Была отслужена панихида, потом другая... Выражение лица у дорогого папа чудное, будто хочет засмеяться. Было холодно, и ревело море.

Было брожение: где устроить мою свадьбу, – мама и я, что все-таки лучше это сделать здесь, пока дорогой папа под крышей дома, а все дяди против, говорят, что мне надо сделать это в Питере».

И дяди победили. Как только умер Александр – сразу становится слышен их голос.

Как всегда, восшествию на престол сопутствовали слухи. По одной версии, вдовствующая императрица хотела заменить Николая своим любимым сыном Михаилом и пыталась заставить Николая отречься.

Но это лишь слухи. Знаменитый министр ее мужа и сына – С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» привел свою беседу с императрицей о Николае:

«– Вы хотите сказать, что Государь не имеет характера императора?

– Это верно, – отвечает Мария Федоровна, – но ведь в случае чего его должен заменить Миша, а он имеет еще меньше воли и характера».

Так что скорее справедлив другой слух, также вышедший из стен дворца. Александру не было и 50 лет, когда он умер. Этот гигант казался вечен, и когда Николай вдруг узнал о смертельной болезни отца, им овладел страх. Панические его восклицания приводит в своих мемуарах и его друг Сандро... Николай умолял позволить ему отречься от престола. Но Александр был непреклонен: закон о престолонаследии обязан соблюдаться – Николай должен принять трон. И в ответ на покорное согласие Николая ему и разрешили взять в жены гессенскую принцессу.

А потом был Петербург, хмурый осенний день. На перрон Николаевского вокзала прибыл траурный поезд. Среди встречавших гроб Александра – все тот же Витте.

«Новый император прибыл в Петербург со своей невестой, будущей императрицей, в которую, как говорят, он влюблен», – записал Витте.

Предчувствия Аликс начали сбываться: она въехала в Петербург вслед за гробом.

Похороны продолжались долго. Когда митрополит говорил свою очередную длинную речь, вдовствующая императрица не выдержала: с ней начался истерический припадок, и она все кричала: «Довольно! Довольно! Довольно!»

Императора похоронили в Петропавловском соборе. В стране был объявлен годичный траур. Но их свадьба должна была состояться через неделю – в день рождения его матери.

До свадьбы они жили раздельно: она у сестры Эллы, во дворце великого князя Сергея Александровича, а он – «в милом Аничковом» вместе с матерью.

«Моя свадьба была продолжением похорон, только меня одели в белое», – скажет потом Аликс своей подруге Вырубовой.

«13 ноября 1894 года. Аничков. В одиннадцать пошли к обедне в нашу милую церковь. Грустно и больно было стоять... зная, что одно место останется навсегда пустое. Словами не выразить, как тяжело, как жаль дорогую мама!... Виделся с милой Аликс за чаем. Затем простился с ней в восемь часов, больше нельзя видаться! До свадьбы! Мне все кажется, что дело идет к чужой свадьбе, странно при таких обстоятельствах думать о своей собственной женитьбе...»

Но почему так торопились со свадьбой? Почему не подождали положенных сорока дней после смерти отца?

14 ноября был последний день перед началом поста. Пост должен продлиться до начала января. Так что надолго пришлось бы отложить эту свадьбу...

«14 ноября. День моей свадьбы. После общего кофе пошел одеваться. Я надел гусарскую форму и в одиннадцать с половиной поехал с Мишей в Зимний. По всему Невскому войска. Мама с Аликс. Пока совершали туалет в Малахитовой зале, мы все ждали...»

И, наконец, она появилась: серебряное платье с бриллиантовым ожерельем, сверху наброшена золотая парчовая мантия, подбитая горностаем, с длинным шлейфом. И на голове – в огне бриллиантов сквозная корона. Новая императрица.

«В десять минут первого начался выход в Большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком... Нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мной в карету с русской упряжью, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах было пропасть... По приезде в Аничков во дворе почетный караул от лейб-гвардии уланского полка. Мама ждала нас хлебом-солью... Весь вечер отвечали на телеграммы... Завалились спать рано, так как у нее разболелась голова».

Это грубоватое гвардейское «завалились спать» скрывало его смущение, страх перед таинством девства. А она? Он не зря отмечает ее головную боль. Ее фрейлина скажет: «Она бледна и грустна...» В брачную ночь Аликс решает написать в его дневник о своем счастье. Но появляются странные слова: «...когда эта жизнь закончится, мы встретимся вновь в другом мире и останемся вместе навечно...» Ее мучила та же тоска и странный ужас.

«Все полно мира и отрады»

(Дневник молодого мужа)

Вдовствующая императрица постаралась подольше держать их у себя: первое время они жили в Аничковом дворце.

«15 ноября. Итак, я женатый человек...»

«16 ноября. Виделся с милой Аликс за все утро только час. Поехали покататься... Странно сидеть с ней рядом в Питере».

«17 ноября. Невообразимо счастлив с Аликс. Жаль, что занятия отнимают столько времени, которое так хотелось проводить исключительно с нею...»

Она стесняется своего плохого русского языка. Происходит мучительное для деятельной натуры – она должна наблюдать, как вдовствующая императрица и министры руководят ее Ники. Но в его дневнике все чаще слышится ее голос. Она вписывает туда наставления: «Сперва твой долг, потом – покой и отдых...» «Не бойся опасности, Господь близ тебя и охраняет». Гармония их союза – его мягкость и ее твердость.

Годичный траур: нет балов, увеселений, и они предоставлены самим себе. Он – после занятий, «которые отнимают так много времени», а она – весь день. В 3 часа, освободившись от докладов министров и прочих государственных дел (здесь следует вписать «наконец-то»), они выезжают из Аничкова дворца и едут кататься на Невский, потом уже в Зимний дворец, где устраивается их квартира, а потом возвращаются в Аничков. Вечерами он читает ей вслух, как прежде читал ему отец. Когда выпал первый снег, они уехали в Царское Село и там впервые жили одни целую неделю.

В последний день года они сделали запись в его дневнике.

Он: «Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня счастьем, о котором я не мог даже мечтать, дав мне Аликс».

Она: «Последний день старого года. Какое счастье провести его вместе. Моя любовь выросла такой глубокой, сильной и чистой – она не знает предела. Да благословит и хранит тебя Господь». И стихи Лермонтова: «Прозрачный сумрак, луч лампы, кивот и крест – символ святой. Все полно мира и отрады...»

Любовь заполняет их.

Когда он вступил на престол, от него столько ожидали... Вечное российское ожидание нового хорошего царя! Уже был создан его образ: наследником он пытался ускользнуть из дворца, чтобы спокойно погулять (жаждет свободы!). Еврейка, в которую он был влюблен (не будет угнетать инородцев). Обер-полицмейстера он посадил на гауптвахту на сутки (конец своеволию полиции)... Эти надежды родили бесконечные прошения земств – о всяческих реформах.

И Победоносцев решил: пора осадить! Должно произнести соответствующую речь. Речь, естественно, написал царю сам Победоносцев.

17 января (17!) 1895 года молодой император и новая императрица (крестившаяся в Феодоровском соборе и именовавшаяся теперь Александрой Федоровной) впервые показались стране.

«В милом Аничковом дворце» сошлись представители земств, городов, казачества. Вид множества людей, которые, по утверждению Победоносцева, таили крамолу и которых он должен был осадить, поверг застенчивого Николая в смятение. В барашковой шапке императора лежал текст.

Он начал читать слишком громко, срывающимся фальцетом: «В последнее время в некоторых земских собраниях слышались голоса людей, увлеченных бессмысленными мечтаниями...»

От смущения последнюю фразу речи он вдруг прокричал, глядя в упор на старика, представителя тверского дворянства. При царственном окрике у старика от ужаса вылетело из рук золотое блюдо с хлебом-солью, которые, по древнему обычаю, земцы готовились преподнести новому Государю.

Золотое блюдо, звеня, покатилося по полу, хлеб развалился, и врезанная в него золотая солонка катилась вслед за блюдом. Безукоризненно воспитанный царь сделал то, что надлежало сделать молодому человеку, когда что-то падает из рук старика: Николай попытался поднять блюдо, чем окончательно всех смутил. Министр двора, старый Воронцов-Дашков, поспешно бросился вслед за блюдом. Блюдо поймали.

Знатоки примет горестно вздохнули, ожидая печалей в будущем царствовании.

Граф Ламздорф, будущий министр иностранных дел, запишет в свой дневник:

«19 января 1895 года. В городе начинают сильно нападать на позавчерашнюю речь императора, которая произвела самое тягостное впечатление... И молодую императрицу также упрекают, что она держалась, будто аршин проглотила, и не кланялась депутациям».

Аликс была столь же застенчива, как и ее супруг. Но защищалась от смущения – царственностью.

«Богом посланную дочку...»

(Дневник молодого отца)

Летом они поехали на юг, в Крым, в тот самый Ливадийский дворец, где так недавно умер в кресле отец-император. Мать, брат Миша, Сандро, товарищ его детских игр, и жена Сандро – сестра Ники Ксения. Ксения ждала ребенка.

«31 июля 1895 года. После чая занимался, когда вдруг узнал, что у дорогой Ксении родилась дочь Ирина. Немедленно Аликс и я полетели на ферму. Видели Ксению и маленькую племянницу. Слава Богу, все окончилось благополучно...»

Эта кричащая в колыбели Ирина станет женой Феликса Юсупова, главного убийцы Распутина.

Ждала ребенка и Аликс.

Осенью они вернулись в Петербург, в Царское Село. С этого года и до конца царствования Царское Село – главный дом его семьи. «Милое, родное, дорогое место». В парке, среди маленьких искусственных озер, неподалеку от роскошного Екатерининского дворца, стоял полускрытый деревьями небольшой белый Александровский дворец. В нем они жили. В ночь на 3 ноября из Гатчины туда была вызвана вдовствующая императрица.

«3 ноября, пятница. Вечно памятный для меня день, в течение которого я много выстрадал! Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях, бедная. Я не мог равнодушно смотреть на нее. Около 2 часов ночи дорогая мама приехала из Гатчины. Втроем с ней и Эллой находились неотступно при Аликс. В 9 часов ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно! Богом посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой».

«6 ноября. Утром любовался нашей прелестной дочкой. Она кажется вовсе не новорожденной, потому что такой большой ребенок, с покрытой волосами головкой».

Русская няня (помощница старшей няни-англичанки) сказала, что «покрытая волосами головка» – неременная примета будущего счастья девочки.

В 1918-м ей «повезет» – она будет стоять рядом с матерью в той полуподвальной комнате. «Царица и Ольга попытались осенить себя крестным знаменем, но не успели. Раздались выстрелы». (Из показаний стрелка охраны А. Стрекотина.)

Дочка растет. Фотография, сделанная им: Аликс и рядом с матерью, на слабых ножках, крошечная Ольга. И он по-детски все сравнивает ее с дочерью своей сестры: «21 марта 1896 года. За обедней привели своих дочек к Святому Причастию. Наша была совершенно спокойна, а Ирина немного покричала».

«1 апреля. Ксения принесла Ирину к ванне нашей маленькой. Они весят то же самое, 20 фунтов, но наша дочка толще».

Рождение совпало с концом траура. Блестящий бал состоялся в Зимнем дворце: тысячи приглашенных, оркестр играет полонез, церемониймейстер трижды ударяет в пол своим жезлом, арапы в белых чалмах распахивают двери. Все склоняются в поклоне: появляются он и она.

Аликс по-прежнему плохо говорит по-русски, и пребывание на людях – труд для нее. Она царит дома, в Царском Селе.

Страной правит мать и ее люди. Есть версия: зажатая железной волей мужа, властолюбивая мать наконец-то распрямилась. На самом деле все трагичнее и проще. Вдовствующая императрица (тетя Минни – так звали ее в Романовской Семье) слишком хорошо знала своего сына. И боялась, что кто-то непременно станет влиять на доброго Ники (Аликс она тогда в расчет не принимала). Им мог быть великий князь Сергей Александрович – прямолинейный ретроград – или другой брат покойного царя – Владимир, столь же очаровательный, сколь неумный. Или милый, но легкомысленный третий брат Александра, Павел. Влияние любого из них могло стать роковым для империи. В себя эта деятельная женщина верила, она многому научилась у Александра III.

В дневниках Витте есть красочное описание: «Спросите матушку» – так отвечает Николай Витте по поводу назначения очередного министра.

И в другом месте, и опять в трудную минуту: «Я спрошу мою матушку».

Мария Федоровна проявляет прозорливость: ее протеже при Ники становится Сергей Юльевич Витте, министр финансов ее мужа. Витте – это целая эпоха: сторонник реформ, либерал, точнее – умеренный либерал, каким и должно было быть после мороза, который свирепствовал при Александре III. Витте знал: в России нельзя слишком быстро менять температуру. Но главным советчиком оставалась мать.

На первых порах императрица-мать старается всюду появляться рядом с сыном. Вера Леонидовна:

«В то время вдовствующая императрица вдруг удивительно помолодела. Весь Петербург занимала тогда эта загадка. Говорили, что эта потрясающая женщина решилась на операцию, которую сделали ей в Париже. Она услышала об этой операции от будущей английской королевы – принцессы Александры, точнее сказать, увидела ее плоды. Несмотря на возраст, принцесса буквально потрясала всех своим молодым лицом. Это чудовищная операция: сначала острой ложечкой снимают с лица эпидермис, и лицо превращается в сплошную рану. Рану примачивают, подлечивают, и на лицо наносят прозрачный лак. С этим новым, нежным и чистым лицом приходится обращаться очень бережно – чтоб не попортить лак. А дальше еще мучительней: расширяя волосяной канал, вставляют длинные ресницы. Вся операция требует героизма».

Бедной женщине пришлось решиться на эту боль – рядом с молодым императором должна была быть молодая мать.

Она стоит рядом с сыном в начале его царствования, умная и властная, а потом... потом ей выпадет все страшное, что может выпасть на долю матери: смерть всех сыновей, внука и внучек и гибель империи, которую всю жизнь создавал ее муж. Она будет жить в Копенгагене, последняя оставшаяся в живых русская императрица, обломок великого кораблекрушения.

«Все, что произошло... кажется сном»

В древнем Успенском соборе в Москве венчаются на царство русские государи.

6 мая со всей большой Романовской Семьей императорский поезд отбыл в Москву.

«6 мая 1896 года. В первый раз после свадьбы нам пришлось спать раздельно. Очень скучно... Встал в 9. После кофе отвечал на телеграммы. Даже на железных дорогах они не оставляют в покое. В Клину дядя Сергей (его бывший командир великий князь Сергей Александрович, ставший московским генерал-губернатором. – Э.Р.) встретил нас. Приехали в Москву в 5 часов, при ужасной погоде: дождь, ветер и холод...»

По обычаю перед торжественным въездом в Москву для коронования Государь и Государыня должны жить в старом Петровском дворце, находившемся за Тверской заставой, в версте от тогдашней Москвы. Здесь, во дворце-замке, построенном Екатериной Великой в память победы над турками, – с готическими окнами, романтическими башнями, они жили три дня.

«7 мая. Проснулись той же безотрадной погодой... Принимали громадную свиту Генриха (брата императора Вильгельма. – Э.Р.), принцев – Баденского, Вюртембергского и Японского...»

Королевская Европа и весь остальной мир съезжались на коронацию русского самодержца.

И вот наступил день торжественного въезда в Москву. Впервые вышло солнце: вспыхнули бесчисленные золотые купола московских церквей.

Раннее утро. Молодая императрица – золотые волосы до пояса – стоит у готического окна, глядит на башни Петровского замка. Продолжение все той же сказки! Но пора садиться в карету.

Теперь из окна Петровского дворца наблюдает слуга великого князя Павла, Александр Волков. Впоследствии он все это опишет: конвой в черкесках, царь на коне, и в каретах – две женщины: мать и жена. И вокруг – мундиры империи. Вся эта сверкающая процессия двинулась в Кремль.

«9 мая. Первый тяжелый день для нас – день въезда в Москву. К 12 часам собралась вся ватага принцев, с которыми мы сели завтракать. В 2 с половиной – тронулось шествие. Я ехал на Норме, мама сидела в первой золотой карете, Аликс – во второй – тоже одна».

В эти дни произошло странное событие. Они посетили величайшую святыню России – Троице-Сергиеву лавру. Но в Лавре их... никто не встретил. Спихнулись, когда царь уже вошел на территорию Лавры. Все это случилось из-за несогласованности устроителей коронационных торжеств, но... Но знатоки примет опять отметили: Сергей Радонежский не встретил нового царя.

«13 мая. Поселились в Кремле... Пришлось принять целую армию свит понаехавших принцев. Да поможет нам милосердный Бог, да подкрепит он нас завтра и да благословит на мирную трудовую жизнь».

После записи он поставил три восклицательных знака и крест. Венчание на царство, венчание с Россией для религиозного Николая – один из величайших дней жизни.

14 мая 1896 года. Шествие из Кремля к Успенскому собору. В малой бриллиантовой короне – императрица-мать, и четыре генерала несут ее порфиру. А потом под крики «ура» в собор вошли они – Николай и Александра.

«Великий, торжественный, но тяжелый в нравственном смысле для Аликс, мама и меня день.

С 8 часов утра были на ногах. Погода стояла, к счастью, дивная. Красное крыльцо представляло сияющий вид. Все, что произошло в Успенском соборе, хотя и кажется сном, но не забывается во всю жизнь».

Горели свечи... херувимское пение... Из рук митрополита он принял большую корону и надел ее на голову. Она опустилась перед ним на колени. Он снял корону – и дотронулся ею до ее головы. И вновь корона на его голове. А на ее золотистых волосах уже сверкает маленькая бриллиантовая корона. Четыре фрейлины укрепляют ее золотыми шпильками. Они сели на троны в древнем соборе, и императрица-мать поцеловала Ники. Потом поцелуй прежней императрицы коснулся щеки Аликс...

Как молоды, как счастливы они были...

С Красного крыльца трижды, в пояс, они поклонились народу.

«В 3 часа пошли в Грановитую палату к трапезе... Обедали у мама, которая отлично выдержала все это длинное испытание. В 9 часов пошли на верхний балкон, откуда Аликс зажгла иллюминацию на Иване Великом. Затем последовательно осветились башни и стены Кремля».

Гессенская принцесса смотрела на золотой купол великого собора: сверкала в огнях столица полумира – древняя столица Европы и Азии.

Императрица-мать действительно отлично выдержала все это длинное испытание. Ее выдержка понадобилась ей и на следующий день.

«17 мая... Час с четвертью шли поздравления дам. Началось с великих княгинь, потом фрейлины, городские дамы... Ноги немного побаливали...

Поехали в Большой [театр] на торжественный спектакль. Давали по обыкновению первый и последний акт «Жизнь за царя» и новый красивый балет «Жемчужина»...

Этот «новый красивый балет» – и был тот самый, в котором, к изумлению публики, на сцену вышла Кшесинская.

В тот вечер мать еще раз поняла, как мягок ее Ники.

Но следующее утро, 18 мая, стерло из ее памяти и злополучный балет, и торжествующую Матильду. 18 мая стал одним из страшных дней царствования ее сына.

По ритуалу после коронации происходит народное гулянье с раздачей бесплатной еды, сладостей, пряников... Место для гулянья было выбрано за чертой города, на Ходынском поле.

Древнее: «хлеба и зрелищ» – Цезарь и народ.

На Ходынском поле стояли палатки, цветастые, со сладостями. И кружки должны были давать – коронационные, с гербами, и все бесплатно. Но между палатками и собравшейся в ночь с 17-го (17!) толпой находились забытые рвы. Забытые благодаря разгильдяйству властей. Много пришло людей на даровое угощение... Сошлось, сгрудилось не менее полумиллиона, так спрессовались – ядром не пробить. Все ждали, когда начнется раздача подарков. И тут раздались крики – задыхались люди в толпе. Кто-то решил – лакомства дают! И поднаперли. Сдвинулась груда тел, и попадали люди в ямы, а по головам, по раздавленным грудным клеткам – толпа...

На рассвете вывозили на телегах трупы раздавленных.

Через 22 года, также на рассвете и также на телегах, повезут их трупы...

Когда днем министр Сергей Юльевич Витте садился в экипаж – ехать на продолжение празднеств, – ему уже сообщили о двух тысячах погибших на Ходынском поле. Но когда блестящие экипажи подъехали к Ходынке, все уже было тщательно убрано, никаких следов катастрофы. Сверкало солнце, в павильоне – вся знать Европы, и гигантский оркестр исполнял кантату в честь коронации. На поле толпилась разодетая публика, присутствовал и Государь. Около него неотступно был генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, устроитель торжеств коронации.

Николай был смущен и подавлен – это отметили все.

«18 мая 1896 года. До сих пор все шло как по маслу, а сегодня случился великий грех: толпа, ночевавшая на Ходынском поле в ожидании начала раздачи обеда и кружек, наперла на постройки, и тут произошла страшная давка, причем ужасно прибавить – потоптано около 1300 человек. Я об этом узнал в десять с половиной... Отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 с половиной завтракали, а затем отправились на Ходынку, на присутствие на этом „печальном народном празднике“...»

Смотрели на павильоны, на толпу, окружавшую эстраду, музыка все время играла гимн и «Славься».

Переехали к Петровскому [замку], где у ворот принял несколько депутаций... Пришлось сказать речь. Обедали у мама. Поехали на бал к Монтебелло (французскому послу. – Э.Р.)».

Сколько мистики в его судьбе! Хотя бы это зловещее для него число – 17!

17 октября – крушение поезда в Борках, когда он чудом остался жив. 17 января он столь неудачно первый раз показался русскому обществу. 17 октября 1905 года – конец самодержавия, в этот день он подпишет Манифест о первой русской конституции. 17 декабря – гибель Распутина. И 1917 год – конец его империи. В ночь на 17 июля – гибель его самого и семьи. И эта страшная кровь во время коронации – в ночь с 17 мая.

Впрочем, императрица-мать весьма рационально поняла причину ходынской катастрофы. Она хорошо усвоила принципы правления мужа. Командная система (самодержавие) действует только тогда, когда вершину пирамиды венчает Страх. Со смертью императора ушел Страх. И как организм высокой температурой сообщает о своей болезни, так грозной катастрофой объявила система о самом для нее убийственном: уходит Страх. Слабый царь.

И мать решила: Страх должен вернуться. Должно быть жестоким наказание. Винават великий князь Сергей Александрович, родной брат ее мужа? Тем лучше. Именно он должен быть примерно наказан. И тогда вернется Страх.

Она потребовала немедленного создания следственной комиссии и наказания виновных. Николай согласился. И еще она потребовала отмены всех увеселений и вечернего бала у французского посла Монтебелло.

Вот какой разговор скрыт за его записью – «Обедали у мама».

«Ушли от мама...»

И тогда впервые против вдовствующей императрицы выступила Аликс. Она не позволит отдать на растерзание мужа любимой сестры. Она не позволит отменить увеселения. Прав Сергей Александрович: все должно происходить, будто ничего не случилось. Коронация случается раз в жизни, бал должен состояться (в глубине души она гнала это новое кровавое предзнаменование: сначала свадьба после похорон, а теперь трупы на Ходынском поле...)

она надеялась, что бал и музыка, и эти торжества прогонят воспоминания...). И Николай опять согласился. «Поехали на бал к Монтебелло»...

Да, к ужасу друзей нового императора... Николай и Аликс танцевали на этом балу.

И по-прежнему неотступно рядом с Николаем – великий князь Сергей Александрович: Москва уже прозвала его «князь Ходинский».

Зато в следующие дни...

«19 мая в 2 часа поехали с Аликс в Старо-екатерининскую больницу, где обошли все бараки и палатки, где лежали несчастные, пострадавшие вчера...»

«20 мая... В 3 поехал с Аликс в Мариинскую больницу, где осмотрели вторую по многочисленности группу раненых...»

Он щедро жертвует на пострадавших. Но страна отметила только одно: «Поехали на бал к Монтебелло». Мать была права.

Существует такое понятие: царский характер. Это сумма качеств, которая должна производить впечатление мощной воли. У Николая этого не было. «Рыхлая жалость», «паралич воли» – так говорили о нем одни. Другие возражали – коварен. На самом деле он был упрям... Его трагедия: будучи упрямым, он не умел сказать четкое «нет» в лицо просителю. Он был слишком деликатен и хорошо воспитан для грубой определенности. Вместо отказа он предпочитал промолчать. И, как правило, проситель принимал молчание за согласие. Николай же лишь выжидал следующего, который разделит бы его точку зрения.

И тогда тотчас принимал решение. В результате первый проситель, принявший молчание за согласие, клял коварство Государя. Именно так было в истории с Кшесинской. Когда мать и министр вычеркнули имя балерины из коронационных торжеств, он промолчал – не мог обидеть мать. Но он ждал. И когда его дядя Владимир пришел просить за Матильду, Николай тотчас же согласился. Такая же история была с Ходинкой. Это он сам, понимая состояние Аликс, решил продолжить праздник, но не посмел возразить своей матери. А потом как бы уступил требованиям Сергея Александровича. Но легенда о его безволии была создана, и она пройдет через всю его жизнь. «Нецарский характер» с самого начала слился с его образом.

Он назначил следственную комиссию и во главе ее поставил графа Палена, протеже вдовствующей императрицы.

Но тут же последовал контрудар. Владимир и Павел, дяди царя, сообщили, что немедленно покидают двор, если Сергей Александрович пострадает в результате следствия.

Безопасный ультиматум: они знали – им не придется подавать в отставку. За спиной была Аликс.

В это время деликатный Ники без усталости раскланивался в противоположные стороны, пытаясь всех примирить: доклад Палена исчез в недрах архивов. Но зато обер-полицмейстер Москвы, человек великого князя Сергея Александровича, был уволен. Но зато сразу после Ходинки, к ужасу матери, он отправляется в имение «князя Ходинского» – в Ильинское.

Он не хотел быть царем, он не хотел огорчать мать, он не хотел, чтобы были убитые, он не хотел, чтобы Аликс печалилась... И все это случилось.

Праздник убиенных

(Продолжение дневника молодого царя)

И сейчас под Москвой осталась эта широкая аллея с вековыми деревьями, ведущая в усадьбу, в знаменитое Ильинское. Остались столетние липы в парке и старинная церковь.

«3 июня. День свадьбы дяди Сергея и Эллы».

Шумно отмечали этот день в Ильинском... Дети бегали по усадьбе. Это было новое поколение Романовской Семьи.

Заканчивался XIX век, и уже незримо возводились декорации нового страшного века, и на сцену выходили его действующие лица...

Один из Романовых XX века: пятилетний мальчик в бархатных штанишках. Это Дмитрий, сын младшего брата Александра III – великого князя Павла. Он был рожден здесь, в Ильинском, и стал причиной гибели своей матери.

Это случилось еще до брака Николая с Аликс.

И ныне с вершины холма к Москве-реке спускается эта тропинка. На реке можно найти полуразвалившиеся мостки. Вот сюда, к мосткам, жарким летом 1891 года, радуясь солнцу и утру, сбегала молодая женщина – греческая королева Александра, жена великого князя Павла.

Когда она садилась в лодку, начались преждевременные роды. Вскоре в усадьбе лежало обряженное тело мертвой Александры. Но мальчик появился на свет. И остался жить. Его нарекли Дмитрием.

Как удивительно сложатся судьбы у всех, кто сейчас собрался на праздник в Ильинском. И страшно.

Отец Дмитрия, великий князь Павел, будет вскоре выслан из России. После смерти Александры у него – скандальный роман с женой адъютанта великого князя Владимира. Павел решит на ней жениться. Но вдовствующая императрица будет неумолима. К ней придется присоединиться братьям Павла – Сергею и Владимиру. Это первый скандал в Романовском Семействе, который придется судить бедному Ники. Николай вынужден будет выслать из России «милого дядю Павла».

Но сын Павла Дмитрий останется в России и вместе с сестрой будет воспитываться в семье Сергея Александровича и Эллы.

У этой пары не могло быть своих детей, и всю свою нежность Элла и Сергей Александрович обратили на Дмитрия и его сестренку.

В дни революции 1905 года у Большого театра встанет с бомбой эсер Каляев. Все рассчитано: вот засветились в метели яркие фонарики кареты великого князя, и Каляев с бомбой бросился наперерез карете и... увидел в карете вместе с Сергеем Александровичем Эллу и детей! Каляев не посмел бросить бомбу. Идиллический террорист идиллического XIX века! Но в другой раз, когда Сергей Александрович поедет один, Каляев не промахнется...

После убийства мужа Элла посвятит себя созданию монастырской обители, и Дмитрий будет жить у другого родственника – у царя Николая II. «Папа и мама» – так он будет называть Ники и Аликс. Дмитрий даже станет женихом старшей дочери Николая Ольги, которую сейчас вынесла кормилица, и она таращит глазенки на мальчика.

И Николай всегда будет любить этого красавца и франта. В нем будет все, чего никогда не было в самом Ники: Дмитрий – истинный гвардеец, дуэлянт, сердцеед, кутила.

Николай не отдаст ему Ольгу, но сердце отдаст. И в тобольское заключение Николай возьмет с собой письма любимца – насмешливые письма юного повесы: «Дорогой дядя. Я страшно, страшно благодарен тебе за твое милое письмо. Я был так доволен получить его, что почтил его вставанием. И во все время его чтения почтительно стоял, согнувшись пополам. Ужасно рад, что вы приезжаете сюда – уж очень хочется вас видеть... Воображаю шляпу, которую моя сестра (Ольга. – Э.Р.) напялила себе на свою породистую голову... Еще раз благодарю за письмо. Над твоим я много посмеялся, но все-таки из почтения пустил свой смех на букву «э»: «хэ-хэ-хэ», а не «ха-ха-ха»... Ну а засим крепко обнимаю тебя, ручки тети покрываю сладострастными поцелуями и прошу ее не забывать своего «сына»...»

Через 6 лет после этого письма «сын» Дмитрий будет участвовать в убийстве самого дорогого человека для «мамы Аликс» – Григория Распутина. «Он еще раз убил свою мать», – скажет о нем Аликс.

Но сейчас 1896 год – мальчик возится на лугу, и с ним играют еще двое мальчиков. Их привез в усадьбу князь Константин Константинович.

Вся читающая Россия знает этого человека под псевдонимом «К.Р.». Его романтические стихи – в девичьих дневниках и альбомах. Сама императрица старательно переписывает их в свои тетради. Романсы Чайковского, Алябьева написаны на его слова...

В Мраморном дворце – любимом доме К.Р. – не раз бывал его знакомец, писатель Федор Достоевский. И вот что записал К.Р. однажды в своем дневнике: «В нем (Достоевском. – Э.Р.) есть что-то таинственное, он постиг что-то, что мы все не знаем.

Он был осужден на казнь, такие минуты не многие пережили. Он уже распростился с жизнью – и вдруг, неожиданно для него, она опять ему улыбнулась... Достоевский ходил смотреть казнь Млодецкого (И. Млодецкий был казнен в 1880 году за покушение на М.Т. Лорис-Меликова – одного из самых блестящих сановников Александра III. – Э.Р.)... Мне было бы отвратительно сделаться свидетелем такого бесчеловечного дела... может быть, ему хотелось мысленно пережить собственные впечатления? Млодецкий озирался по сторонам и казался равнодушным, Федор Михайлович объясняет это тем, что в такие минуты человек старается отогнать мысль о смерти, ему припоминаются большей частью отрадные картины, его переносит в какой-то жизненный сад, полный весны и солнца. Но чем ближе к концу, тем неотвязнее, мучительнее становится представление неминуемой смерти... ужасен переход в иной неизвестный образ... Мне как-то грустно стало от слов Федора Михайловича и возобновилось прежнее желание испытать самому последние минуты перед казнью, и быть помилованным... мне бы хотелось пережить все эти страдания, они должны возвышать душу, смирять рассудок...»

«Испытать самому последние минуты перед казнью» К.Р. не удастся. Но вот детям его, резвящимся сейчас на лугу...

Старшему сыну Иоанну поэт К.Р. посвятил «Колыбельную»:

Спи в колыбели нарядный,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку...

В этой длинной «Колыбельной» были странные строки:

В тихом безмолвии ночи
С образа, в грусти святой,
Божией матери очи
Кротко следят за тобой...

Сколько участия во взоре
Этих печальных очей,
Словно им ведомо горе

Будущей жизни твоей

(курсив мой. – Э.Р.).
И еще:

Спи же, еще не настали
Годы смятений и бурь!...

(курсив мой. – Э.Р.).

К.Р. умрет в 1915 году – Бог его миловал, и он так и не узнает, что будут означать его пророчества.

Тот, кто «лежал в колыбели нарядной» – Иоанн (Иоанчик – как нежно звали его в семье), его братья Константин и Игорь – в «годы смятений и бурь!» – погибнут на дне грязной шахты. После жестоких побоев их сбросят туда еще живыми.

И рядом с ними на дне этой шахты будет умирать хозяйка усадьбы, тетя Элла.

Элла! Одна из пленительнейших женщин того, ушедшего времени. Французский посол в России Морис Палеолог влюбленно писал:

«Мне вспоминается, как я обедал вместе с ней в Париже... около 1891 года. Я так и вижу ее, какой она тогда была: высокой, строгой, со светлыми, глубокими и наивными глазами, с нежным ртом, мягкими чертами лица, прямым носом... с чарующим ритмом походки и движений. В ее разговоре угадывался прелестный женский ум – естественный, серьезный и полный скрытой доброты».

По легенде, на дне шахты Элла перевязывает платком разбитую головку Иоанчика – того, кто когда-то лежал «весь в кружевах и шелку» в Мраморном дворце – любимом доме поэта К.Р.

Весело в Ильинском. Иоанчик и Константин бегают по лугу с Дмитрием.

А на коленях у великого князя Павла таращит глазенки еще один будущий убиенный – младенец Игорь, младший сын К.Р. Впрочем, расстреляют и дядю Павла.

На резвящихся детей смотрят: благостно – Ники и жадно – Аликс. Как мечтает она о сыне!

Праздник жизни продолжается. Они путешествуют. Австрия – визит к престарелому императору Францу-Иосифу; потом навести бабушку и дедушку Ники (то есть датского короля и королеву) и оттуда в Англию к другой бабушке – королеве Виктории. Обезд королевских фамилий закончился визитом в республику – Францию.

Ходынка, которую потом столько раз припомнят ему в России, – на Европу не произвела впечатления. Во Франции их принимали восторженно – в открытой коляске красавица императрица, молодой Государь и очаровательная девочка... Это был первый визит в Париж русского царя после злополучного визита его деда – Александра II, когда в него стрелял поляк Березовский, – мстил за угнетенную Польшу.

Теперь никто не стрелял, напротив: толпы восторженного народа, овации... Только свободная республика может так восторгаться монархом. Даже заложили мост в честь отца.

«25 сентября произошла закладка моста, названного именем папа. Сидели в большом шатре... Отправились втроем в Версаль. По всему пути от Парижа до Версаля стояли толпы народа. У меня почти отсохла рука прикладываясь (он был в форме и прикладывался к козырьку фуражки. – Э.Р.).

Прибыли туда в 4 с половиной и прокатились по красивому парку, осматривая фонтаны... Действительно есть сходство с Петергофом. Залы и комнаты дворца интересны в историческом отношении».

Его поразило сходство с Петергофом, а ее – «историческое отношение»...

Она постояла на балконе дворца, куда в дни Революции ворвавшаяся толпа заставила выйти королевскую чету...

В Париже Аликс рассказали о месте, где когда-то был ров, куда свозили гильотинированных... Она представила их вместе в яме: Дантон... Робеспьер... Жирондисты... Они осмелились казнить своего короля. Что ж, Бог покарал их безумием – они убили друг друга... Она никогда не забывала все это. Через двадцать лет, когда она услышит об отречении Ники, она будет повторять по-французски: «Abdique» (отрекся)... Тайники души...

1896 год заканчивался, Аликс ждала ребенка, она верила: будет мальчик. Как она жаждала этого мальчика. Но...

Дневник: «29 мая 1897 года. Второй счастливый день в нашей семейной жизни... В 10 утра Господь благословил нас дочкою Татьяной. Весит 8 с половиной фунтов и длиной в 54 сантиметра. Читал и писал телеграммы...»

На свет появилась еще одна убиенная.

Неосуществимость мечтаний

(Продолжение дневника молодого царя)

Он все еще правил силой умершего отца, но уже курился невидимый вулкан: волнения в армии (о которых не писали – армия всегда должна быть верна) и страшный голод 1898 года (о котором писали много).

Счастливый праздник продолжался. В эти годы он много охотился.

Дневник: «20 сентября. Итог убитой дичи: 100 оленей, 56 козлов, 50 кабанов, 10 лисиц, 27 зайцев. 253 за 11 дней».

Но уже началась в его стране другая охота (и трофеи здесь тоже были самые серьезные) – охота за людьми. Как только пошел отсчет XX века...

В феврале 1901 года убит министр просвещения. Убит бывшим студентом. Студент объяснил, что Московский университет был недоволен реакционными взглядами министра. Через год убит министр внутренних дел Сипягин. Гибнет финский генерал-губернатор, а потом и новый министр внутренних дел Плеве. Так начала действовать террористическая организация социалистов-революционеров.

Молодой царь ведет себя как-то странно. Он почти не скорбит, он будто тотчас забывает о своих погибших министрах.

В его дневнике – разгадка: «Нужно со смирением и твердостью переносить испытания, посылаемые нам Господом для нашего же блага» (написано после убийства Сипягина).

«На то Его святая воля» (после убийства Плеве).

Все та же главная черта мировоззрения: все определено Богом в этом мире – судьбы народов и судьбы людей. И нам не познать промысел Божий и то благо, которое скрыто в каждом его деянии.

Это помогает ему смириться со странной неосуществимостью любых своих начинаний. Уже тогда он чувствует: что бы он ни делал, ни предпринимал, каковы бы ни были его добрые намерения – все исчезает, становится противоположностью или попросту идет прахом.

Как завещал отец, сразу по восшествии на престол он принимает закон против пьянства. Пьянство – «русская болезнь», как ее называли в Европе. Закон был хорош, но пьянство не исчезло, попросту люди стали платить больше за водку – пили по-прежнему и разорялись. Следующий закон предложил все тот же неугомонный Витте – он перевел русский рубль на золотое обеспечение. Русская валюта должна была стать (и стала) в ранг европейских валют. Теперь в Европе русские богачи производили фурор – тратились состояния, прокучивались имения в парижских ресторанах, «русская белуга пошла метать золотую икру». Но в результате почему-то разорялись благородные люди, потомки лучших семейств. И те самые золотые монеты, на которых был отчеканен профиль Николая, все больше правили его страной.

Хождение в народ

Именно тогда у него и у Аликс появляется это недоверие к богатым. Тогда, на пороге века, у него возникает эта идея: «Народ и царь, и между ними – никого». На пороге века возникает его странное правдоискательство.

Однажды в разговоре с кем-то из великих князей он узнает, что существует титулярный советник с презабавной фамилией Клопов. Этот Клопов все время пишет ему письма, где красочно рассказывает о казнокрадстве в мукомольном деле. Письма эти, естественно, до Николая не доходят, но неутомимый правдоискатель продолжает писать. Николай рассказывает об этом Аликс, они читают вслух письма, поражаясь чистоте этого неизвестного, простого человека: может быть, он найден, человек из народа, может быть, он пришел к ним сам?

Титулярного советника привозят к царю. Тихий, застенчивый, маленький Клопов с ласковыми глазами так напоминал невысокого застенчивого человека, который встретил его в кабинете. Они были похожи – жалкий титулярный советник и «властитель полумира».

Николай отправляет Клопова с секретным рескриптом – ему даны тайные и самые широкие полномочия. Клопов едет инспектировать Россию. Он должен понять причины неурожаев, выяснить злоупотребления чиновников и привезти правду царю. Причем не «губернаторскую правду» – правду бюрократии, но истинную, народную, которую таят от царя. И Клопов поехал.

«В России все секрет, но ничего не тайна». И вскоре уже вся страна знала о таинственном Клопове. Толпы людей с прошениями осаждали царского посланца.

Но Клопов был всего лишь титулярный советник, который знал только мукомольное дело. С ним обходительно побеседовали высокие чиновники, обещали устранить все беды в любимом им мукомольном деле. И растроганный Клопов привез из недр России такую «истину» своему патрону: «Министр внутренних дел Плеве и все его министерство одушевлены наилучшими намерениями».

Так началось это опасное правдоискательство. После поездки Клопова он еще раз смог сказать себе: неосуществимость мечтаний...

И так во всем. Его грозного отца угодливо называли «Миротворец» за то, что он умел избегать войн. Николай вззошел на трон с той же идеей. На пороге века он прочел сочинения некоего И. Блоха. Блох, промышленник и философ, писал о невозможности вести локальную войну в новой Европе. Война XX века, если она начнется, обязательно станет глобальной. «Победитель не избежит ужасных разрушений, поэтому каждое правительство, которое нынче готовится к войне, должно готовиться и к социальной катастрофе». Блох предсказывал, что война может стать гробом для великих европейских монархий. Николай принял Блоха. Разговор произвел на него впечатление.

Именно тогда с подачи все того же Витте рождается его «Воззвание к державам». Николай предложил Европе всеобщий мир.

Об основной идее «Воззвания» Витте писал в своих «Воспоминаниях»: «Вся Европа представляет одну мирную... Европа не тратит массы денег на соперничество разных стран, не представляет военного лагеря, каким она является сейчас... Европа дряхлеет под тяжестью взаимной вражды и международных войн... и скоро другие нации, Америка и Япония, будут относиться к Европе с почтением, но таким... как к одряхлевшей красавице».

Но идея всеобщего мира скоро закончится... войной с Японией.

В 1899 году рождается третья дочь, Мария. Долгожданного сына все нет. С тремя девочками Царская Семья вступает в XX столетие. В том же 1899-м умирает от туберкулеза брат Николая – Георгий, и теперь наследником престола становится младший брат – Михаил.

Осенью 1900 года в Крыму опасно заболел Николай. У него оказался тиф.

Он умирал. Уже возник вопрос: кто наследует престол. Это был странный вопрос для Аликс: конечно, их старшая дочь Ольга. Будет, как в Англии, где правит бабушка, королева Виктория... В конце концов, у самих русских было столько императриц! Но Витте объясняет: должен править Михаил. Таков закон о престолонаследии, принятый Павлом I. Вся ненависть Павла к матери – императрице Екатерине Великой – в этом законе: русский трон не может занять женщина. Но возникает деликатная подробность: Аликс беременна. На этот раз она твердо верит: родится сын. Но закону, оказывается, это безразлично. Будет править тот, кто является престолонаследником в момент смерти монарха.

Теперь Витте – ежедневный гость в Ливадийском дворце. В ялтинской гостинице поселяются министры. Они курсируют между

Ялтой и Ливадией и кажутся Аликс воронами, которые ждут добычу.

Но Николай выздоровел – в третий раз избежал смерти. После его болезни мечта о сыне завладевает всем существом Аликс. И тогда появляются черногорские принцессы...

Дочери черногорского князя учились в России – в знаменитом Смольном институте.

Милица и Стана – так звали черногорок (впрочем, при дворе их язвительно называли «черногорка номер 1» (Стана) и «черногорка номер 2» (Милица). Обе они вышли замуж за великих князей из клана Николаевичей: Милица – за слабогрудого Петра Николаевича, а Стана – за его брата, Николая Николаевича. Николаша – так называли его в большой Романовской Семье. Николай Длинный – в армии и при дворе, кто с иронией, кто с восхищением. Гигант, с зычным голосом, любимец армии – великий князь Николай Николаевич...

С черногорками Аликс чувствовала себя царицей. Вместо вежливого холода двора – поклонение, обожание. Черногорки окружили ее умелым раболепием. Когда она заболела желудочной болезнью – ухаживали за ней, как последние служанки...

Черногорки привезли со своей таинственной родины непоколебимую веру в сверхъестественное. Там, на высоких горах, поросших диким лесом, всегда жили ведьмы и колдуны, там есть люди, которым дано беседовать с мертвыми и предсказывать судьбу живых. Все это было внове воспитаннице скептической королевы Виктории – ее обворожил этот новый таинственный мир. Но главное – черногорки сулили исполнение мечты: Аликс жаждет наследника? Нет ничего легче – надо только найти подходящего человека, обладающего силой. Экзальтированная, романтическая Аликс всем существом втягивается в новую игру. Кровь Марии Стюарт пробудилась.

Началось с иностранца, более привычного для гессенской принцессы, некоего месье Филиппа, родом из Лиона. Месье Филипп прославился своими чудесами во Франции (черногорки узнали о нем в Париже от военного атташе русского посольства).

Характер Аликс: если поверила – то безоглядно, целиком. Она поверила: заклинаниями месье Филиппа она получит желанного сына.

Русская церковь осуждает затеи с магами и колдунами. Но черногорки объяснили: «Месье Филипп не является колдуном. Колдун – это отщепенец Бога, он опасен, он не осеняет себя крестом, не причащается в церкви. Через него показывает свою силу дьявол. Но иное – знахари. Знахарь – христианин. И потому он творит не от себя, но от Бога...» Никто во дворце не решается выступить против этой наивной лжи. Филипп появляется в Петербурге. Несмотря на сомнительное его образование и такие же рекомендации, пришедшие от французских властей, Филипп получает звание доктора медицины и чин действительного статского советника. При дворе начинают рассказывать забавное: месье Филипп поселен в царской спальне, дабы своими молитвами приблизить рождение наследника. Императрица-мать вынуждена побеседовать с Ники и потребовать удаления француза из России. Как всегда, Ники согласился, но Филипп остался. Царь не решился лишить любимую Аликс надежды – Филипп продолжал врачевать.

И счастье – она почувствовала, что беременна. Она боялась посоветоваться с врачами, чтобы не спугнуть чары месье Филиппа. Но беременность протекала так странно, что пришлось обратиться к врачам. Оказалось, это была лжебеременность – она была беременна мечтой. И вот наконец-то! Врачи подтвердили: она ждет ребенка. Филипп предсказал мальчика.

5 июня 1901 года она родила четвертую дочь, Анастасию. Француз объявил – это особый знак: рождение девочки вместо мальчика, которого обещали звезды, лишь доказывает необычную судьбу девочки.

Но француз был слишком цивилизован. Черногорки понимают: нужно что-то более таинственное и странное.

Во дворец привезен Митька Юродивый. Черногорки объясняли ей: «Юродивые Христа ради» существуют только в этой стране. Притворяясь безумными, они порой творят непотребство – ходят в рубище и даже голыми, чтобы посмеяться над жалким видимым миром, получить поношение от людей. Они открывают нам противоречие между глубокой Божьей правдой и поверхностным мирским здравым смыслом. Но в их устах, в их нечленораздельной речи надо искать слово Господа. Они – Блаженные, им дано пророчествовать и свершать чудеса.

Но Аликс еще не превратилась в московскую царевну, бессвязная речь Митьки утомляет ее.

Появилась Дарья Осипова.

Вера Леонидовна:

«Тогда все жили чудесами. Это мистическое чувство возникает, наверное, при конце века. А может, оно было предчувствием крушения „Атлантиды“. Обожают спиритические сеансы, нюхали кокаин... Мы увлекались тогда Дарьей Осиповой... Эта Осипова билась в падучей и тогда выкрикивала свои пророчества. Мы переписывали ее заклинания, они у меня до сих пор лежат... Купаться в реке „во время грозы и новолуния“ – это был ее рецепт для зачатия... Еще она рассказывала, как сделать зелье, чтобы превращаться в ведьму и летать по ночам. Я помню, она рассказывала это так бытово, так просто: „черемшина... дурман... ведьмина трава...“ Кстати, от нее пошло предсказание, что при последних трех русских царях каждое 12-летие будет переворачиваться русская история. И вот судите сами, мой друг: 1894 год – Николай вступает на престол. На 12-м году царствования – Конституция 17 октября 1905 года, заканчивается русское самодержавие, еще через 12 лет – 1917 год и конец империи. Еще через 12 лет, в 1929 году, к власти окончательно приходит наш новый царь – Сталин. 1941 год – начинается война. 1953 год – Сталин умирает, приходит Хрущев. Мне так интересно было бы дожить и узнать, что с нами случится через 12 лет...»

Вера Леонидовна не дожидается, но через 12 лет был свергнут Хрущев. И пришел Брежнев. Но это уже был не царь. Это была пародия, кукла. И при нем, видимо, 12-летний закон последних русских царей перестал действовать.

Откровения, уходящие в языческую Русь... Вещее бормотание знахарки научит Аликс находить потом смысл в бормотании Распутина. И непонятные рассказы о непотребстве юродивых станут оправданием распутинскому разгулу...

Так все эти чародеи готовили приход «Святого черта». Видимо, вся эта пагубная игра вызвала беспокойство у Иоанна Кронштадтского.

Святой Серафим

Отец Иоанн Кронштадтский рассказал им об истинном Святом и чудотворце – о Серафиме Саровском, посмертная слава которого уже гремела по Руси.

Серафим – Старец, умерший в 1833 году в Саровской пустыни. «Укрепляясь в богомыслии, в непрестанном славословии Божьем и чтении божественных книг, неоднократно удостоен был Серафим видений духовных, он исцелял и пророчествовал...»

С 18 лет, уйдя из дома, пошел Серафим (а тогда еще Прохор Мошнин, Серафимом он стал, придя в Обитель) на поклонение в великий град Киев, в Святую Печерскую лавру... А потом долго жил в безмолвии в Саровской пустыни... Он учил: «Душу надо снабдить Словом Божиим – это и есть хлеб ангельский, им и питается душа».

Он был кроток и светлорадостен – Старец. «Душа, исполненная отчаяния, делается безумной, кто победит страсти – победит и отчаяние». Уныние, отчаяние – грешны.

Серафим ходил, окруженный девственницами – этими счастливыми Христовыми невестами.

И пошли толки о Серафиме. Забеспокоилось светское начальство, повелело духовным властям допросить Серафима, и тайна Святости сделалась предметом полицейского розыска. Вскоре дело прекратили, ибо не было никакого дела. Но будто Серафим сказал тогда: «Сие обстоятельство и означает, что близок конец моей жизни». И вскоре он тихо умер.

Вот таким-то образом во время розыска и появились в Департаменте полиции пророчества отца Серафима...

Аликс поверила сразу: Старец Серафим, находящийся у Божьего престола, заступится за них, и Святая Русь получит наследника. Кроткий Серафим входит в их жизнь...

Со всем своим темпераментом добивается Аликс его канонизации. И на торжества в Саров по случаю свершившейся наконец канонизации Старца решено отправиться всей Семей. Как верила Аликс в эту поездку! Они ехали поклониться мощам Святого и молить о сыне, о продолжении рода.

16 июля 1903 года императорский поезд подошел к станции Арзамас, и оттуда Семья двинулась в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь.

К поездке долго готовилось Министерство внутренних дел во главе с министром Плеве. И, как обычно на Руси, спецслужба все превратила в фарс. Последовали предписания жителям селений по пути следования Царской Семьи: «украшать арками въезды в село, флагами дома свои, группироваться по обе стороны дороги, приветствуя...» и т. д. Срочно красились избы, крылись тесом и даже железом. Принимались строжайшие меры по охране. Была продумана и встреча. Во время торжественной церемонии на вокзале случайно (!) из пальто министра Плеве, которое нес его лакей, вывалился заряженный револьвер. И раздался выстрел. Хитрый Плеве сыграл точно! Звук выстрела вызвал страшные воспоминания, и царь по достоинству оценил меры предосторожности, предпринятые заботливым министром.

Но эти полицейские игры прошли мимо них. Они видели лишь восторженные толпы, стоящие вдоль дороги, и море людей – полтора-два тысяч, – собравшихся в монастыре. Впрочем, этих уже не сгоняли. Очевидец – писатель В.Г. Короленко, пришедший туда с паломниками, описал энтузиазм гигантской толпы, приветствовавшей царя.

Саровское путешествие произвело огромное впечатление на Николая и Аликс. В молитвах провели они три дня на Саровской земле.

В святом пруду ночами купалась императрица, прося Серафима о рождении сына, Николай сидел на берегу. В серебряной воде белело ее тело.

Тихая благодать – у могилы Святого и эти покойные дни в Сарове...

На Саровской земле Аликс постигала удивительное понятие – «Старец». Старец – твой заступник перед Богом. Ты вручаешь ему волю свою, лукавый свой разум, и он, ощущая непрерывную связь с Ним, направляет тебя. Старец – твой путеводитель, тот, кто несет ангельский хлеб душе твоей.

Старец Серафим был рядом с ними – они ощущали его присутствие, слышали его тихий голос: «Человек по телу подобен зажженной свече, она должна сгореть, и он должен умереть. Но душа его бессмертна, и попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле».

Преподобный Серафим объявлен покровителем Царской Семьи. Говорят, когда Серафим умирал, он попросил, чтобы тело его бросили, как падаль, на съедение диким животным; он был кроток и смиренен.

В 1920 году его мощи были вскрыты и конфискованы. Так, уже после смерти, вместе со всей русской церковью «он принял скорбь и унижение». След его мощей безнадежно затерялся – они считались уничтоженными. И вот через 70 лет они обнаружилились в подвалах Музея атеизма, разместившегося в Казанском соборе.

Один из сотрудников обратил внимание на большой прямоугольный предмет, обшитый холстом. Он стоял в углу, заваленный гобеленами. Вскрыли холст. Под ним оказался деревянный постамент, где под марлей и ватой глазам изумленных работников Музея атеизма предстали нетленные мощи. Это был полный остов человека: сохранились борода и волосы, частицы мышечной ткани. На черепе был монашеский куколь, на груди медный крест, на сложенных крестообразно руках атласные рукавицы, на которых было вышито золотом: «Святой отче Серафиме, моли Бога о нас...»

Через 70 лет после своей смерти Серафим был канонизирован. Через 70 лет после надругательства вернулись его нетленные мощи... И все это он предсказал.

Предсказания... Тогда в Сарове Николай узнал некоторые удивительные предсказания Святого. Витте рассказывает в своих «Воспоминаниях», что, когда он уехал заключать мирный договор в Портсмут, ему вдогонку было послано рассердившее его наставление: пусть-де он не волнуется и знает, что Святой Серафим предсказал – мирный договор будет заключен.

Департамент полиции тоже представил царю предсказания Серафима.

Среди них было одно, особенно поразившее Николая. Вот что предсказал о грядущем его правлении удивительный Старец: «В начале царствования сего монарха будут беды народные, будет война неудачная, настанет смута великая внутри государства. Отец поднимется на сына и брат на брата. Но вторая половина царствования будет светлая, и жизнь Государя долговременная».

Что почувствовал Николай, когда всего через год пророчество начало сбываться? Сначала война неудачная, потом великая смута... Может быть, потому, зная предсказания Святого Старца, мистически настроенный царь будет так спокоен в дни самых страшных бедствий?

Когда он перестал верить? И когда понял, что последние слова предсказания были попросту дописаны для него в Департаменте полиции?...

И узнаем ли мы, что же предсказал в действительности Серафим Саровский?

Первая война

В 1904 году началась первая его война – русско-японская. Сын «Миротворца», так ненавидевший войну, решает воевать.

Впоследствии Витте вспоминал: Николая толкали на захваты земель в Маньчжурии, уговаривали, что маленькая Япония никогда не осмелится напасть на Россию.

Витте и мать объясняют ему опасность ситуации. Николай соглашается и предлагает Витте составить проект урегулирования отношений с Японией. Царь уезжает в Польшу, в охотничий замок, и пока он там убивает диких зверей, готовится убийство людей.

Витте составляет проект, который исчезает в недрах архива.

Переговоры с Японией, за которые ратовали мать и Витте, провалены.

Из дневника Николая:

«26 января 1904 года... В 8 часов поехал в театр – шла „Русалка“. Очень хороша. Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на рейде „Цесаревича“, „Палладу“ и т. д. и причинили пробоины. Это без объявления войны?! Да будет Бог нам в помощь!»

«27 января. Утром пришла телеграмма о бомбардировке Порт-Артура. Всюду проявления единодушного подъема духа».

Спокойные записи. Его уверили – японцы воевать не умеют. И его министры спорят: сколько японских солдат стоят одного русского солдата – два или полтора.

Но уже вскоре ему приходится записать в дневнике: «Больно и тяжело».

Последовали невиданные доселе поражения русской армии и гибель флота.

Испанское слово

Итак, «Николая толкали на захваты земель в Маньчжурии». Но кто скрывался за этим безликим – «толкали»?

Когда министр внутренних дел Плеве (Департамент полиции входил в состав его министерства) погибнет от бомбы, в его архиве обнаружат копии всех бумаг, касавшихся Дальнего Востока. «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Такова была фраза министра Плеве, сказанная накануне войны одному из сановников. «Нам нужна...» Но кому?

В своих «Воспоминаниях» все тот же Витте рассказывает любопытный эпизод: в бытность премьер-министром он боролся с еврейскими погромами. Естественно, ему должен был помогать Департамент полиции. И помогал... Но в то же время от одного из чиновников Департамента Витте с изумлением узнает, что борющийся с еврейскими погромами Департамент полиции одновременно изготавливает прокламации, призывающие население... к еврейским погромам! Эти прокламации тайно переправляются в провинцию. Страшный погром евреев в Гомеле начался именно с этих прокламаций. Существовали силы, действия которых не дано было проконтролировать даже премьер-министру...

Вот удивительный рассказ Веры Леонидовны: «Мой тогдашний друг (она пленительно произносит слово „друг“, улыбаясь вековому воспоминанию. – Э.Р.)... он был очень близок к графу Витте. И он доказывал, что множество событий, случившихся в царствование Николая, связаны с тайными действиями «камарильи». Это забытое ныне испанское слово, которое любил граф Витте, обозначало группу влиятельных интриганов при дворе испанского короля Фердинанда VII. Оно стало нарицательным. «Камарилья» в России – это вырождающиеся знатнейшие фамилии. Они боялись потерять богатство и власть, ненавидели новое время – этот непонятный капитализм. Именно они составляли ближайшее окружение Николая и Александры. Мой друг считал, что в России, как во всякой стране, где существуют вековые традиции консерватизма, давно сложился тайный союз крайне правых, то есть «камарилья», с секретной полицией. Вот почему, когда Александр II готовил Конституцию, полиция «не уследила», и он был убит... Мой друг рассказывал, как уже при Александре III в тщательно охраняемом Гатчинском дворце постоянно появлялись записки террористов с угрозами царю. Так укрепляли царя в его ненависти к либералам, подбрасывая эти бумажки через секретную полицию... Мой друг утверждал, что Департамент полиции вышел из-под контроля царя в конце века, когда секретная полиция начала засылать провокаторов в революционные организации. Именно тогда родилась зловещая практика: провокаторы направляют бомбы ничего не подозревавших революционеров на неугодных «камарилье» царских чиновников.

В то время, говорил мой друг, «камарилья» и тайная полиция провели целую серию опасных интриг. Одной из них и была японская война...»

«Ниспосланное утешение...»

Война началась – и тотчас сработало вечное правило российской бюрократии: когда замышляется нечто хитроумное, результат будет прямо противоположным. Война, затеянная, чтобы предотвратить революцию, – разбудила ее.

И вот тогда, в разгар страшных поражений, в смуте наступающей революции, – свершилось...

Это случилось в «Александрии», в том маленьком летнем дворце, где Николай четырнадцатилетним мальчиком услышал песню о старухе-смерти и где когда-то влюбленные юноша и девочка вырезали на стекле свои имена. И вот там днем 30 июля 1904 года... «Императрица, – вспоминала Вырубова, – едва успела подняться из маленького кабинета по винтовой лестнице, как родила Наследника».

Из дневника:

«30 июля. Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В час с четвертью дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро, для меня, по крайней мере. Нет слов, чтобы достаточно благодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний...»

Командир кирасиров, генерал Раух, вспоминал слова Николая:

«Императрица и я решили дать наследнику имя Алексей, надо же как-то нарушить эту череду Александров и Николаев». Так шутил счастливый отец и почетный председатель Русского Исторического общества. Действительно, цари с именами Николай и Александр правили Россией целое столетие.

Но с именем «Алексей» дело обстояло непросто. Имя «Алексей» было не в почете в Романовском Семействе. После того как по велению Петра Великого был тайно убит его сын и наследник Алексей, Романовы избегали давать это имя наследникам престола. Существовала версия о проклятии романовскому роду, которое успел прокричать перед гибелью убиенный царевич Алексей... Но Николай решил на это имя, так как его давно привлекал образ другого Алексея – царя Алексея Михайловича.

Незадолго до рождения наследника состоялись знаменитые костюмированные «Исторические балы». Залы Зимнего дворца заполнили «бояре и боярыни» времен первых Романовых... Николай появился в сверкающем золотом и камнями одеянии царя Алексея Михайловича. Аликс – в осыпанном драгоценностями платье жены Алексея, царицы Натальи Кирилловны. Для Николая это был не просто маскарад, но воспоминание о его любимом царе. Царь Алексей, своей религиозностью, добротой и благонравием заслуживший прозвище «Тишайшего» и столь много сделавший для государства, но не жестокостью, яростной волей, подобно Великому Петру, а кротостью и постепенными реформами... И Николай дал сыну его имя...

Из дневника:

«Крестины начались в 11.00. Утро было ясное, теплое... Перед домом на дороге у моря встали золотые кареты и по взводу конвоя – гусар и атаманцев...»

Конвой при рождении – и будет при смерти.

Швейцарец Жильяр, будущий воспитатель Алексея, в то время давал уроки его сестрам. И вот в комнату, где он занимался с девочками, пришла царица с ребенком. Наследнику было полтора года. Это был принц из сказки – с белокурыми локонами и большими серо-синими глазами.

Но потом швейцарец редко видел волшебного мальчика. Слухи о какой-то болезни бродили по дворцу.

Однажды мальчик вбежал в классную комнату... И тотчас следом за ним появился опекавший его дядька-матрос. Мальчик схвачен, его уносят, в коридорах слышен его негодующий крик... И он опять исчезает на месяцы.

Разгадка приоткрылась Жильяру во время царской охоты в Спале (замок в Польше, где с древности была охота польских королей и где любил охотиться царь). Семья жила в этом

старинном охотничьем замке. Охота, бесконечные увеселения... На одном таком празднестве Жильяр вышел из бальной залы во внутренний коридор замка.

Он очутился как раз перед дверью, из-за которой слышались отчаянные стоны. Через мгновение швейцарец увидел Аликс: она приближалась бегом, придерживая мешавшее ей длинное платье. От волнения она не заметила Жильяра.

Это была тайна, которую охраняла вся Семья: вскоре после рождения сына врачи установили то, чего Аликс боялась больше всего на свете, – ее ребенок унаследовал болезнь, которая была в ее гессенском роду и которая передается только отпрыскам мужского пола (т. е. наследникам тронов – насмешка судьбы над королями!). Неизлечимую болезнь – гемофилию. Когда Жильяру доверили наконец воспитание Алексея, врач наследника, доктор Деревенко, подробно объяснил ее симптомы: оболочка артерий гемофиликов так хрупка, что любой ушиб, напряжение, падение, порез вызывают разрыв сосудов и могут стать началом конца. Эта болезнь – проклятие гессенского рода...

Она родила сына, она так мечтала о нем, и она же – причина его грядущей неотвратимой смерти... В этом разгадка ее быстро прогрессирующей истерии.

Теперь оставалось надеяться только на чудо. И Аликс со всей страстью верила в это чудо: болезнь будет излечена, а пока не надо, чтобы знали о ней. Святой Серафим не оставит их – непременно пошлет того, кто спасет наследника великого трона.

Лик Серафима Саровского висит в кабинете Государя.

Семья покидает Петербург. Затворяется в царской резиденции в окрестностях столицы. Болезнь мальчика становится государственной тайной.

Как она ждет Избавителя!

И тогда начали доходить до нее отрадные слухи: где-то в глуши, в Сибири, на широкой реке Тобол, в небольшом селе Покровском живет Он – Старец...

Так на пороге первой революции, в огне проигранной войны появляется Григорий Распутин. Чтобы в огне другой губительной войны и на пороге другой революции – исчезнуть.

Репетиция гибели империи

Революция началась с таинственного (как много раз придется повторять это слово, рассказывая о жизни последнего царя) события, известного под названием «Кровавое воскресенье».

Немного истории.

В 1881 году социалист Зубатов, потрясенный убийством Александра II, отказывается от социалистических идей и приходит на службу... в полицию.

В дни коронации Николая полковник Зубатов уже был начальником Московского охранного отделения. Бывший социалист задумал фантастический опыт: бороться с социалистами за влияние на рабочих при помощи... полиции! И полиция начинает создавать рабочие союзы.

Теперь при забастовках полиция старается держать сторону рабочих. Зубатов заставляет капиталистов идти на уступки. И добивается успеха. В 1902 году тысячи рабочих заполнили древние площади Кремля. Исполняли хором «Боже царя храни». Молились о здоровье Государя императора на коленях, обнажив головы. Генерал-губернатор Москвы, великий князь Сергей Александрович, благодарил рабочих за верность престолу. Газеты Европы с изумлением писали о невиданном зрелище – полицейском социализме... Но, как всегда в

России, реформатор Зубатов в конце концов был уволен со службы. Однако его союзы продолжали жить.

И вот в 1905 году в Петербурге, в среде зубатовских рабочих союзов, появляется священник Гапон. В эти трудные годы военных поражений и оскудения Гапон призывает рабочих пойти к царю с петицией, рассказать о бедствиях простых людей, о притеснениях фабрикантов.

Шествие рабочих назначено на 9 января. С хоругвями, портретами царя, святыми иконами тысячи верноподданных рабочих под водительством Гапона готовятся прийти к своему царю.

Сама идея этой манифестации была воплощением заветной мечты Николая – «народ и царь», которая заставила его призвать Клопова. Теперь она должна была осуществиться: простой народ сам шел за защитой к самодержцу. Свершилось!

И вдруг накануне шествия царь покидает столицу, он уезжает в Царское Село.

Всего за три дня до намеченного шествия происходит странное событие. Было Крещение... На Дворцовой набережной была воздвигнута «Иордань» – место для освящения воды. Под нарядной сенью – синей с золотыми звездами, увенчанной крестом, Николай присутствовал при освящении воды митрополитом. После освящения по традиции с другой стороны Невы должна была торжественно ударить холостым зарядом пушка Петропавловской крепости, находившейся как раз напротив «Иордани». Последовал выстрел... и, к ужасу собравшихся, пушка оказалась заряженной боевым снарядом. Чудом не угодил он в царя. Пострадал полицейский по фамилии... Романов!

Полиция, обычно раздувавшая подобные дела, объявила происшествие досадной случайностью. Но желаемый кем-то эффект был достигнут: Николаю напомнили страшный конец деда, а фамилия полицейского прозвучала предзнаменованием.

Выстрел испугал царя.

Странности продолжают. Департамент полиции отлично осведомлен о верноподданных настроениях шествия. Ибо устраивающий эту демонстрацию Гапон – агент этого Департамента (и будет разоблачен впоследствии Боевой организацией эсеров). Тем не менее спецслужба начинает пугать царя. Из полиции ползут слухи: во время манифестации произойдут кровавые беспорядки, подготовленные революционерами. Возможен захват дворца. Великий князь Владимир, командующий петербургским гарнизоном, напоминает о событиях начала Французской революции.

И Николай уезжает в Царское Село.

В ночь шествия в казармах начинают раздавать патроны. Маршрут, намеченный Гапоном, чрезвычайно удобен для обстрела. Готовятся лазареты. В это время Гапон держит последнюю речь к рабочим – полицейский провокатор призывает идти ко дворцу.

Так было подготовлено Кровавое воскресенье.

Утром тысячи людей направляются к Дворцовой площади. Плывут над толпой царские портреты, в толпе множество детей. Впереди Гапон. На подступах к площади ждут войска. Шествию приказывают расходиться. Но люди не желают – Гапон обещал: царь их ждет. И они вступают на площадь... Раздались выстрелы. Убито более тысячи, ранено – две тысячи... Детские трупы на снегу... Днем по городу разъезжают сани – в санях мертвецы, связанные веревками.

Ночью после расстрела Гапон обратился к рабочим: «Родные, кровью спаянные братья! Невинная кровь пролилась! Пули царских солдат... прострелили царские портреты и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам и всем грабителям несчастной земли русской. Смерть им!»

«Проклятому народом царю» – вот что написал провокатор Департамента полиции. Простреленные портреты царя...

В Царском Селе Николаю доложили, что он избавился от смертельной опасности, что войска должны были стрелять, защищая дворец, в результате были жертвы – двести человек.

Так была создана полицейская версия события и официальные цифры для царя. И он записал в дневнике:

«9 января 1905 года. Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки... вследствие желаний рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять, в разных местах города много убитых, раненых. Господи, как больно и тяжело!»

А потом в Царское Село были привезены два десятка рабочих.

Они сказали царю верноподданные слова. Николай произнес ответную речь, обещал исполнить их пожелания. Очень сокрушался о двухстах жертвах на Дворцовой площади.

Он так и не понял, что произошло...

В то утро был создан его новый образ – «Николай Кровавый». Отныне так он будет именоваться революционерами.

«Любая детская шапочка, рукавичка, женский платок, жалко брошенный в этот день на петербургских снегах, оставались памяткой того, что царь должен умереть, что царь умрет...» (О. Мандельштам)

Кровавое воскресенье – один из главных поводов для будущей мести – пролог к убийству Царской Семьи.

Что же случилось?

Версия

Вера Леонидовна: «Все тогда увлекались политикой... это было модно... Все тогда фрондировали... И я с восторгом запоминала все, что объяснял мне мой свободомыслящий друг, близкий к Витте... Чтобы понять Кровавое воскресенье – надо понять ситуацию... Революция на пороге, это знали все. И „правые“ нервничают... Попытались разыграть японскую карту, не вышло... В дело пошла еврейская карта. Они всегда рассматривали еврейство как клапан, при помощи которого спускали пар народного напряжения, организуя погромы... В нашем имении под Киевом служила прислуга, она пришла к нам после погрома: толпа ворвалась в дом, хозяину вспороли живот, и все – со смехом, шутками... Его жену привязали к кровавому мертвецу, обоих обвалили в перьях. Все это она рассказывала, крестясь и приговаривая: „Накажет Господь!“ И наказал: тупая антисемитская политика была не только гнусной, она оказалась опасной. И приблизила революцию. Только короткий период – при Александре II – русские евреи почувствовали себя людьми. Отец Николая вернул государственный антисемитизм. Евреев загнали за черту оседлости. Толкали на эмиграцию. Десятки тысяч самых предприимчивых людей уехали из России. У моего отца служил гениальный фельдшер. Уехал в Америку, там стал знаменитостью. Но миллионы остались. Мой третий муж, еврей, говорил: „Некормящие груди родной матери“ – так они воспринимали Родину. Это был огромный невооруженный запас ума, энергии и одержимости. Его взяла себе на службу революционная партия... Мы были дочерьми генерала. Моя сестра была отчаянной революционеркой. Но ее подруга по подполью была дочерью нищего еврей-портного... Мой друг говорил, что Витте неоднократно докладывал отцу Николая об опасности положения евреев для будущего страны...»

Дело обстояло тоньше. У Витте в мемуарах есть такое место: «– Правда ли, что вы стоите за евреев? – спрашивает Александр III. В ответ Витте просит дозволения ответить вопросом на вопрос:

– Можно ли потопить всех русских евреев в Черном море? Если можно, то я принимаю такое решение еврейского вопроса. Если же нельзя – решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить. То есть предоставить им равноправие и равные законы...»

Но Витте был блестящим царедворцем. Если он так смело отвечал деспоту царю, значит, чувствовал – царь желает услышать от него подобный ответ. Видимо, рачительный хозяин Александр III размышлял, как лучше использовать в государстве четыре миллиона евреев. Но дальше размышлений пойти не решился. Витте привел страшный результат в канун первой революции: «Из феноменально трусливых людей, которыми были почти все евреи лет тридцать тому назад, – явились люди, жертвующие своей жизнью для революции, сделавшиеся бомбистами, убийцами и разбойниками... ни одна нация не дала России такого процента революционеров».

Вера Леонидовна:

«И вот в ответ на действия еврейских революционеров накануне революции „камарилья“ решает разыграть еврейскую карту уже по-новому. В Европе ходило „Завещание“ Петра Первого. Это – подделка, созданная, кажется, французами во времена Наполеона... Из нее следовало, что Петр Великий, умирая, оставил завещание русским царям – завоевать мир. По этому образцу русская тайная полиция начинает выпускать книги – только „русская опасность“ заменяется масонско-еврейской... Так появились на свет „Протоколы сионских мудрецов“... Прелесть была в том, что в России в масонах состояли знатнейшие русские фамилии. В свое время масонами были Кутузов, Александр I, Чайковский... Друг Николая II, великий князь Александр Михайлович, и его старший брат Николай Михайлович были масонами. Я сама интересовалась масонством... Мои кумиры, Моцарт и Гёте, тоже – масоны. Масоны всегда были либералами. Была вечная борьба в России – либералы-дворяне и дворяне – тупая, темная сила... „Камарилья“ пыталась дискредитировать либеральную часть дворянства, соединив с евреями. Кстати, мой друг, он тоже был масоном и принадлежал к славнейшему дворянскому роду. И его злила неприкрытость намерений... „Протоколы“ были представлены Николаю. Все было рассчитано безошибочно: Николай с детства воспитан в „государственном антисемитизме“. „Эти мерзкие евреи“, „враги Христовы“ – это была лексика дворца. Мой муж в своей книге написал уничтожительный портрет Николая. Он его не понял. Я называла царя „человек из китайской пьесы“. Там действие движется так: злодей лжет доброму человеку – и тот моментально верит. На этом строится интрига. Вот так и они поступали с Николаем. Погромы, организованные полицией, представлялись царю как святой взрыв народного негодования против революционеров. Сборище извозчиков, темного отребья – „Союз русского народа“ – объявили народной стихией: движением простых людей в защиту своего царя. И он верил. Отсюда и Гришка Распутин... Детская доверчивость – чарующее качество для человека обычного – и роковое для правителя. И тем удивительней, что в „Протоколы“ царь – не поверил! И это их очень разочаровало».

Весьма не любивший царя знаменитый разоблачитель провокаторов Владимир Бурцев подтверждает в своем исследовании о «Протоколах»:

«Николай II, если в начале, при появлении „Протоколов“, отнесся к ним с доверием и даже был от них в восторге, то скоро понял, что это явный подлог».

Но после первой революции настроение Николая изменилось. В 1908 году в Париж был направлен коллежский асессор Алексеев – выяснить связи русских парламентариев из

Государственной думы с масонами. Он даже завербовал некоторых французских масонов, истратил уйму денег, но толку не добился...

Миф переживет царя. В Екатеринбургском доме, в комнате, где была убита Царская Семья, найдут несколько черточек на стене, которые объявят каббалистическими знаками. Будет множество изысканий, написана даже научная брошюра, в которой в нескольких черточках расшифруют следующую надпись: «Здесь по приказанию тайных сил царь был принесен в жертву для разрушения государства...»

Из письма русской эмигрантки, 84-летней госпожи Н. Шуднат (Австралия): «Моя тетка, урожденная Бибикова, жила в доме своего отца за углом дома Ипатьева... Она знала Ипатьева лично и много раз бывала в его доме... Она рассказывала, что в комнате убийства у хозяина дома был маленький кабинетик, где он принимал рабочих (это было очень удобно – из комнаты был выход через прихожую прямо на улицу). Он занимался подрядами по постройкам. И в кабинетике он все разъяснял строительным рабочим...»

Сколько самых странных черточек могло остаться на стенах комнаты после подобных объяснений...

Вера Леонидовна:

«Мой друг считал, что выдумка с еврейско-масонским заговором отчасти должна была прикрыть реально действовавший тогда, в 1905 году, тайный заговор „камарильи“. Короче, перед революцией они из всех сил толкали царя вправо. А он вдруг начал упираться. Вместо этого он заговорил о реформах... И тогда они поняли: слабый царь не может сдержать революцию – он решил уступить. Это и заставило „камарилью“ действовать... Мой друг считал, что к концу 1904 года при дворе возник тайный заговор. И Кровавое воскресенье было его частью...»

С 1904 года Николай начал опасно меняться. После гибели «революционера» Плеве он назначает новым министром внутренних дел князя Святополк-Мирского – барина, аристократа и... либерала! В последние месяцы 1904 года Святополк-Мирский предлагает царю меры успокоения общественного мнения. Прежде, когда заговаривали об общественном мнении, Николай отвечал, как и должно Самодержцу Всероссийскому: «А мне какое дело до общественного мнения». И вот теперь он всерьез обсуждает эту проблему. События японской войны многое в нем изменили. Он понял: грядет буря. Но вместо того чтобы пытаться вернуть беспощадные порядки отца, он явно решился на другое. Ему нравится этот новый его министр, который вместо подавления страны предлагает «замирение», милое его сердцу согласие. В конце года Николай созывает широкое совещание всех ведущих государственных деятелей России. Тут и Витте, и Победоносцев. Николай произносит речь о «революционном направлении», которое с каждым годом усиливается в России. И ставит новый для себя вопрос: нужно ли идти навстречу требованиям общества?

Вопрос риторический. Он уже все решил. Но хочет, как обычно, чтобы другие заставили его принять это решение. Один за другим встают сановники и требуют уступок. Победоносцев в изоляции. Теперь Николай как бы вынужден согласиться и пойти против учителя. Принято решение – разработать закон «О предначертаниях и усовершенствовании государственного порядка». Все понимают: это начало будущих реформ. Может быть, конституции! Разработать закон поручено Витте. Полная победа либералов! Все растроганы. Министр путей сообщения, князь Хилков, не может сдерживать слезы. Председатель Государственного совета от имени присутствующих благодарит Николая: мирно спасена Россия.

И тогда «правые» ответили: уже 1 января в знак протеста против политики Святополк-Мирского уходит со своего поста один из вождей «правых» Дмитрий Федорович Трепов, глава московской полиции. И через неделю случилась эта кровавая вакханалия – Кровавое воскресенье.

Итак, если допускать версию о том, что заговор «камарильи» действительно существовал, – зачем была эта кровавая бойня?

Может быть, задумали просто попугать царя, чтобы сдвинуть его вправо и заодно осадить все общество?

Или все было еще серьезнее? Слабый царь, проигранная война, грядущая революция, а тут еще мираж ненавистной конституции... И они решили: довольно. И начали в лучших традициях спецслужбы – с кровавой провокации, чтобы одним ударом дискредитировать слабого царя. И тогда?... Тогда Кровавое воскресенье было началом действий, которые должны были привести к замене Николая.

Дестабилизация, затеянная ради будущей стабилизации – прихода сильного монарха?

Во всяком случае, в последующих событиях можно найти странную связь, будто некий общий замысел. Интригу. Игру.

Кровавое воскресенье дает плоды: Святополк-Мирский уходит в отставку. Николай сдается, 11 января реакционер Д.Ф. Трепов назначается петербургским генерал-губернатором.

Но это только начало. После Петербурга последует удар по Москве. В Москве главный советчик, опора Николая – великий князь Сергей Александрович.

Из дневника царя:

«Ужасное злодеяние случилось в Москве: у Никольских ворот дядя Сергей, ехавший в карете, был убит брошенной бомбой, и кучер смертельно ранен... Несчастливая Элла! Благослови и помоги ей, Господи!»

4 февраля в Кремле Сергея Александровича поджидал эсер Каляев. Он швырнул бомбу в карету.

В предсмертных письмах из тюрьмы Каляев рассказывал: «В меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку... Потом увидел шагах в пяти от себя комья великокняжеской одежды и обнаженное тело...»

Московский вице-король (как его называли при дворе) был разорван бомбой: головы не было, остались рука и часть ноги.

В это время из дворца выбежала Элла, бросилась к кровавым комьям, ползала на коленях среди останков мужа... Но революционер Каляев не знал, что бомба, которой он убил великого князя, была изготовлена в мастерской, принадлежавшей... Департаменту полиции!! И само убийство организовал тайный агент Департамента – глава боевой организации эсеров, провокатор Азеф.

Все та же тень спецслужбы...

Из дневника Константина Романова (К.Р.):

«5 февраля. Как громом пораженный, я в первую минуту ничего не соображал, только выйдя понял, чего я лишился, и заплакал. Надо было подготовить жену – она так любила Сергея. И у меня, и у ней чувство, что мне надо ехать в Москву к телу моего бедного друга, к бедной Элле, подле которой нет никого из родных...

9 февраля. Государь и обе императрицы так неутешны, что не могут отдать последнего долга покойному. Покинуть Царское им слишком опасно. Все великие князья уведомлены письменно, что им нельзя не только ехать в Москву, но запрещено бывать на панихидах в Казанском и Исаакиевском соборах».

Между тем в Москве разыгрывается величественная трагедия.

Все дни до погребения Элла не переставала молиться. На надгробии мужа она написала:

«Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят».

Слова Евангелия она восприняла душой и накануне похорон велела привезти себя в тюрьму, где содержался Каляев. Ее ввели в камеру, она спросила:

– Зачем вы убили моего мужа?

– Я убил Сергея Александровича, потому что он был орудием тирании. Я мстил за народ...

– Не слушайте вашей гордости. Покайтесь... а я умолю Государя даровать вам жизнь. Я буду просить его за вас... Сама я вас уже простила.

Накануне революции она нашла выход. Простить через невозможную боль и кровь – и тем остановить уже тогда, в начале, кровавое колесо. Своим примером бедная Элла обращалась к обществу, призывая жить по христианской вере.

– Нет! – ответил Каляев. – Я не раскаиваюсь, я должен умереть за свое дело, и я умру... Моя смерть будет полезнее для моего дела, чем даже смерть Сергея Александровича.

Каляева приговорили к смертной казни. «Я счастлив вашим приговором, – обратился он к судьям. – Надеюсь, вы исполните его так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии социалистов-революционеров. Учитесь смотреть прямо в глаза надвигающейся революции!»

Каляев бесстрашно встретил смерть.

Николай потерял Москву.

Но отцы Интриги знали продолжение: Николай должен вскоре остаться без главной советчицы. Императрица-мать уезжала в Данию, где смертельно заболел ее отец. Теперь при царе остается последняя фигура – дядя Владимир Александрович. Но уже намечен третий удар. Департамент полиции осведомлен: сын Владимира Александровича, Кирилл, разбил семейную жизнь брата царицы Эрни (ту самую «хорошую пару»). Виктория-Мелитта разошлась с мужем. И теперь Кирилл решил жениться на ней и сделать открытым семейный скандал. Это должно вызвать контрмеры – он будет наказан. А это означает, его отец Владимир Александрович должен будет подать в отставку с поста командующего петербургским гарнизоном. Из письма Николая матери в Данию:

«На этой неделе случилась драма в семействе по поводу несчастной свадьбы Кирилла. Ты, наверное, помнишь о моих разговорах с ним, а также о тех последствиях, которым он должен обязательно подвергнуться: исключение из службы, запрещение въезда в Россию, лишение всех удельных денег и потеря звания великого князя. На прошлой неделе я узнал, что он женился... Я имел с его бедным отцом очень неприятный разговор, и как он ни заступался за своего сына, я стоял на своем. И мы расстались на том, что он попросился уйти со службы. В конце концов я на это согласился.

Вместе с тем меня брало сомнение – хорошо ли наказывать человека публично несколько раз подряд. После долгих размышлений, от которых заболела голова, я решил... телеграфировать, что я возвращаю Кириллу утраченные им звания. Уф! Какие это были скучные неприятные дни. Теперь как будто гора с плеч свалилась».

Кто?

Но если допустить, что «камарилья» вознамерилась заменить Николая сильным царем, то кем? Ведь по закону в случае отречения на престол вступал малолетний Алексей. Но Алексей смертельно болен, Алексея можно обойти. Следующий законный претендент – Михаил. Но ведь и он не обладал царственным характером!

Но те, кто организовывал Игру, знают: и Михаила тоже можно обойти. У Михаила роман, и он также думает жениться, причем на особе совсем не королевской крови. О романе, конечно, осведомлен Департамент полиции. По закону о престолонаследии брак лишит его титула великого князя.

«Милая дорогая мама!... Миша написал мне, что просит разрешения жениться. Что не может ждать дольше... Разумеется, я никогда не дам согласия на этот брак. Я чувствую всем моим существом, что дорогой папа поступил бы так же. Изменить закон для этого случая в такое опасное время я считаю решительно невозможным. Помогите мне, дорогая мама, удержать его. Да хранит тебя Господь».

Тогда для кого же все затевалось?

Великий князь Николай Николаевич – «Николаша, Николай Длинный». «Грозный дядя» – так называла его молодежь Романовской Семьи.

Кто видел его на военных парадах, уже не могли забыть... Гусары в черных касках, украшенных волосняным гребнем, на вороных лошадях несутся в карьер на маленькую фигурку – на принимающего парад царя. Среди этой грозной лавины – Николаша – гигант, слившийся с лошадей. И всего за несколько шагов до императора – его великолепный командирский львиный рык: «Стой!» И вмиг остановилась беспощадная лавина. Только тяжелое дыхание людей и коней...

Да, у него был облик царя. И он был известен своими правыми взглядами. Николая Николаевича ведут к цели. Вместо подавшего в отставку Владимира он теперь командующий петербургским гарнизоном. И к нему благоволит Аликс, связанная дружбой с лукавыми черногорками.

Знал ли об этом сам Николай Николаевич? Или как бывает – «знал, но не знал»? Как «знал, но не знал» его предок Александр о том, что хотят убить его отца, императора Павла, и возвести на престол его самого?

Во всяком случае, Николай Николаевич честно служил царю во все эти дни потрясений...

Такова соблазнительная версия Кровавого воскресенья. Но... уж очень она романтическая. В России обожают найти заговор там, где на самом деле обычно одно разгильдяйство. Кто-то что-то не проверил и кого-то не предупредил... А кто-то решил перестраховаться, позвал войска и удалил царя из Петербурга... По чьей-то глупости или лени обычно и возникают у нас великие и страшные события.

«Учитесь смотреть прямо в глаза надвигающейся революции»

Волна, поднятая Кровавым воскресеньем, была сразу похожа на цунами.

Из дневника К.Р.:

«6 февраля 1905 г. Просто не верится, какими быстрыми шагами мы идем навстречу неведомым, неизвестным бедствиям.

Всюду разнузданность, все сбиты с толку... Сильной руки правительства уже не чувствуют. Да ее и нет».

Все будет – баррикады из опрокинутых трамваев, всеобщая стачка, мятежи в армии. В Крыму восставший крейсер подойдет к берегам – и в имениях великих князей с ужасом будут ожидать обстрела. И «красный петух» пойдет гулять по помещичьим усадьбам. «Иллюминация» – эта злобная шутка сразу стала популярной.

В Петербурге на художественной выставке «Мир искусств» в шумной толкотне, руки крест-накрест, презрительно-насмешливо стоял знаменитый террорист Савинков. Стоял открыто, и никто не осмеливался его выдать...

Вера Леонидовна:

«Бастовали решительно все. Это было как праздник. В Мариинском театре бастовал балет, и даже брат его любовницы, Матильды, – Иосиф Кшесинский бастовал... Я его хорошо знала. Кстати, после революции это участие в забастовке стало его индульгенцией, охранной грамотой. Кшесинский даже стал заслуженным артистом РСФСР – брат царской любовницы. В последний раз я виделась с ним накануне войны. Он умер от голода в блокадном Ленинграде. Завсегдатай ресторанов, гурман, устраивавший пиры на серебре, – умер от голода!»

К осени 1905 года Царская Семья, отрезанная всеобщей забастовкой, сидела в Петергофе, и единственным средством сообщения с Петербургом был пароход. «Хоть вплавь добираться», – печально острил царь. Казалось, вопрос о падении Николая предreshен.

Вернувшийся из-за границы и добиравшийся на этом пароходе к царю Витте услышал сочувственную речь гофмаршала Бенкендорфа: как трудно будет Царской Семье с пятью детьми искать пристанища у коронованных родственников в Европе.

И все-таки Николай вывел корабль империи из шторма.

Еще летом 1905 года, когда рост революции яростно продолжался, внешне цеплявшийся за «правых» царь делает неожиданный ход. В июне президент США Рузвельт предлагает свои услуги – помочь России и Японии прийти к миру. Царь отправляет в Америку... либерала Витте! Сначала «правые» торжествуют – миссия Витте кажется безнадежной. Слишком много добились японцы, немисливо заключить мир на достойных условиях. Но Витте мир заключил. И на условиях, лучших в этих обстоятельствах. Витте триумфально возвращается в Россию. Николай награждает его титулом графа.

В это время у царя осталось два пути: провозгласить Николая Николаевича военным диктатором (и самому постепенно уйти со сцены – на что, видимо, рассчитывала «камарилья») или решиться на то, против чего завещал бороться отец, – реформы и конституция.

Этот путь предложил ему вернувшийся Витте.

«Россия переросла формы существующего государственного устройства... Пока еще есть возможность – надо даровать конституцию, иначе народ вырвет ее...»

Огромного и тучного Витте сменит гигант Столыпин. Два самых знаменитых его министра – высокие. В этом был скрытый комплекс Николая: громадный отец всегда был надежной и крепкой защитой. И он доверял высоким людям.

У Николая хватило гибкости – он согласился на конституцию.

И... заколебался. За спиной Витте Николай продолжал упрашивать великого князя Николая Николаевича стать диктатором. Витте сердился, видел в этом жалкое безволие, он не хотел понять, что рушился мир. То, что создали его прадеды – самодержавие, Николай, как блудный сын, готовился пустить по ветру. На нем должна была закончиться великая самодержавная империя.

И он опять хотел, чтобы другие упростили его сделать то, что уже давно решил сам.

Его пришлось упрашивать... Николаю Николаевичу! Даже если он знал об Игре – он не мог воспользоваться ее результатами. Армия находилась на фронте в Маньчжурии. (Все повторится в 1917 году, когда армия будет сражаться на фронтах мировой войны.)

Подавлять революцию было некому. Согласиться стать диктатором – означало погубить династию.

В день подписания Манифеста у Николая страшно болела голова. Он вспоминал японца, который когда-то рассек ему лоб. Приехавшему Витте министр двора, граф Фредерикс, рассказал, что царь опять просил Николая Николаевича стать диктатором. Тот вынул пистолет и сказал: «Или я сейчас же застрелюсь, или ты подпишешь».

Николай подписал.

Из дневника:

«17 (17! – Э.Р.) октября... Завтракали Николаша и Стана. Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте. Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и усьми Россию».

На обратном пути на пароходе Николай Николаевич торжественно обнял Витте: «Сегодня 17 октября – это знаменательное число. Ровно 17 лет назад, и тоже 17-го в Борках была спасена Богом династия. Думается, теперь династия спасается от не меньшей опасности».

Он был прав. 17 – «знаменательное число» для их Семьи.

В эти дни Николай, как всегда, оставался спокойным и молчаливым. Но в письмах к матери...

«Петербург. 19 октября 1905 года. Мне кажется, что я тебе написал в последний раз год тому назад. Столько мы пережили тяжелых и небывалых впечатлений. Ты, конечно, помнишь январские дни, которые мы провели вместе в Царском... Но они ничто по сравнению с теперешними днями. Забастовки железных дорог, которые начались вокруг Москвы, потом сразу охватили всю Россию. Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренних губерний... Единственное сообщение с городом – морем, как это удобно в такое время года! После железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом даже в городские учреждения. Подумай, какой стыд!... Только и были сведения о забастовках, об убийствах городских, казаков и солдат, о беспорядках, волнениях и возмущениях... А господа министры как мокрые курицы рассуждали... вместо того чтобы действовать решительно. Когда на „митингах“ (новое модное слово!) было открыто решено начать вооруженное восстание, я об этом узнал тотчас же... В случае нападения на войска было предписано действовать оружием. Наступили тихие грозные дни. Чувство было как бывает летом перед сильной грозой. Нервы у всех были натянуты до невозможности. И конечно, такое положение не могло продолжаться долго. В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно. Наши разговоры начинались утром и кончались вечером при полной темноте. Представлялось избрать один из двух путей – назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться подавить крамолу. И другой путь – предоставление гражданских прав населению, свобода слова, печати, собраний, союзов и т. д. Кроме того, обязательство проводить всякие законопроекты через Государственную думу... Это в сущности и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь. И все, к кому я обращался, отвечали мне так же, как и Витте. Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским. Мы обсуждали его два дня, и наконец, помолвившись, я его подписал... Милая мама, сколько я перемучился, ты представить себе не можешь. Единственное утешение, что такова воля Божия и что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого, хаотического состояния, в котором она находится почти что год...»

Преподаватель царских дочерей Жильяр видел императрицу в день подписания манифеста. Она сидела, как сомнамбула, глядя в одну точку. Рушился мир. Ее мальчика обокрали в колыбели. Он уже не будет самодержцем. И она решает бороться.

В ноябре взбунтовалась вторая столица. Строили баррикады в Москве. Переворачивали трамваи. Николай почувствовал злобу обманутого. Он дал им конституцию, он перешагнул через себя... И в ответ все продолжалось!

На Рождество Николай пишет письмо матери, обычное нежное письмо доброго Ники, но в нем уже и – пролитая кровь. Он все больше привыкает к крови.

«22 декабря. Милая дорогая мама! Все мои молитвы за тебя будут особенно горячими в дни праздника... Очень грустно будет эту елку проводить без тебя. Она бывала такой уютною в Гатчине наверно...»

В Москве, как ты знаешь, слава Богу, мятеж подавлен благодаря верности и стойкости наших войск... Потери революционеров огромные, но точные сведения трудно получить, так как много убитых сгорело, а раненых они уносили и прятали...»

В дни замирения революции Аликс внушает ему – со всей своей верой и страстью – злонамеренность Витте. Манифест ни к чему не привел – недаром после него продолжались восстания... Великие тени стояли за его спиной – его предки Романовы и небесный покровитель – Серафим Саровский. Они вместе с ним и подавили революцию, а не жалкий Манифест, который в дни тяжких бедствий заставили его подписать...

Витте – ставленник вдовствующей императрицы. И, борясь с ним, Аликс отстраняла от власти прежнюю императрицу. Навсегда.

К тому времени стало ясно: Николай справился с революцией. Пережив бурю, «правые», видимо, уже не думают о смене монарха на престоле. Но о смене караула у престола – пришла пора убирать либералов. Вечное: «Витте сделал свое дело...»

И не случайно вскоре к Аликс присоединяется другой Николай – великий князь Николай Николаевич, еще вчера и обнимавший Витте, и славивший Манифест, – он теперь его враг. Ярость борьбы изменила царя. Рыцарь с оружием, отстаивающий данные ему Богом права, воитель за народ и династию – ему нравится этот образ...

Теперь в письмах к матери – воинственное:

«Я хочу видеть свои полки и начну, по очереди, с Семеновского... Был смотр любимым Нижегородцам... Смотр офицерам конной гвардии... Смотр морскому гвардейскому экипажу».

И вскоре Николай сообщает матери:

«Я никогда не видел такого хамелеона – человека, меняющего свои убеждения, как он (Витте. – Э.Р.). Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит».

В апреле Витте вручает Николаю прошение об отставке, и Николай с удовольствием ему отвечает:

«Граф Сергей Юльевич! Вчера утром я получил письмо ваше, в котором вы просите об увольнении от всех занимаемых должностей. Я изъявляю согласие на вашу просьбу. Николай».

Вера Леонидовна: «Революция умирала... наступила тьма, отчаяние. Интеллигенция ударилась в блуд, в анархизм... Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, это было отчаяние заглянувших впервые в лицо революции. И, увидев кровавое лицо народного бунта, интеллигенция содрогнулась...»

Революция оказалась не праздником свободы, но бедствием, как смерч... Но самое страшное, мы чувствовали, неосознанно, но чувствовали: она вернется».

В конце апреля в Тронной зале Зимнего дворца удалившийся от дел Витте наблюдал встречу своего детища – Государственной думы – с царем. «Николай бледен», – отмечает Витте в своем дневнике – царь читает речь:

«Да исполнятся горячие мои пожелания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное».

Должно быть, Витте усмехнулся, когда услышал эти слова о наследнике. Старый министр все понял. Николай объявил непонимающему русскому парламенту, что наследник получит то, что ему принадлежит... А это значит – старое самодержавие, без конституции. Другими словами, Николай сказал Думе, что он разгонит эту Думу.

Потом был царский прием первых русских парламентариев: в черных фраках, похожие на галок, они толпились среди сверкающих мундиров царской свиты.

Витте предвидел неминуемый конфликт царя с Думой. И верил, что, как всегда, в минуту бедствия Ники бросится к нему.

Он насмешливо записал: «Вошло в сознание общества, что несмотря на мои натянутые отношения к Его Величеству... несмотря на мою полную опалу, как только положение делается критическим – сейчас начинают говорить обо мне». И приписал сурово: «Но забывают одно: всему есть полный конец».

Это была вещая фраза: уже появилась на горизонте новая мощная фигура.

Столыпин был полной противоположностью Витте. Из старого дворянского рода, «свой». Он считался либералом, но это был либерал-помещик. Столыпин знал и любил мужика, как и положено истинному помещику. И видел в мужике будущее страны. Оттого он сразу пришелся по душе царю. Столыпин мог понять его давнюю мечту – «народ и царь».

Была разогнана первая Дума, избрана вторая, но, к своему изумлению, Николай увидел, что ничего не изменилось. Самые спокойные люди, как только выходили на трибуну, немедленно становились бунтовщиками. Речи на думской трибуне будто вызывали в них опьянение.

К примеру – Александр Иванович Гучков, почтенный человек – действительный статский советник, гласный петроградской городской Думы. Столыпин предлагал ему быть министром, но он отказался. В новой Думе Гучков поносил разом всех великих князей...

Покушения продолжались: застрелен усмиритель Москвы генерал Мин...

Взорвали бомбу на Аптекарском Острове – на даче Столыпина. Была суббота, приемный день премьера, его ожидало множество посетителей в комнатах нижнего этажа. Во втором этаже дачи были жилые комнаты, там играли дети Столыпина – дочь и сын.

Трое офицеров вошли в дом. Охранник тотчас заметил какой-то дефект в их военной форме и попытался задержать их. Тогда с криком: «Да здравствует революция!» – один из них бросил бомбу. Все, кто был в комнате, и сами террористы погибли. Сила взрыва была такова, что деревья на набережной Невы вырвало с корнем. Сам Столыпин был опрокинут на пол взрывной волной, но совершенно не пострадал. Под обломками разрушенного дома копошились раненые люди, валялись куски человеческих тел... Там обнаружили раненую дочь Столыпина. Своего четырехлетнего сына Столыпин сам извлек из-под груды обломков.

И в это же время случилось невероятное – царя всея Руси сделали затворником в собственном доме. Николай узнал, что в Петергофе, где он проводил лето, появились террористы...

«Мы сидели здесь почти запертые в „Александрии“. Такой стыд и позор говорить об этом... Мерзавцы анархисты приехали в Петергоф, чтобы охотиться на меня, Николашу, Трепова... Но ты понимаешь мои чувства: не иметь возможности ни ездить верхом, ни выезжать за ворота куда бы то ни было. И это у себя дома в спокойном всегда Петергофе! Я краснею писать тебе об этом», – сообщал он матери.

Его тогдашняя жизнь протекала под охраной, без прогулок, в постоянном ужасе за безопасность Аликс и детей – будто репетиция будущей жизни – через 12 лет.

«Агунюшко», «Солнечный Луч», «Бэби», «Маленький человечек» – так они называли своего больного мальчика. И он – отец и царь – не мог защитить его от бомб в собственном доме! В нем произошел переворот. Он должен был отплатить за все муки и унижения. И он должен был сохранить державу – усмирить мятежников, дать покой стране. Этого требовала тень отца, этого требовали Аликс и мать. «Должны быть истреблены чудовища!» – писала она ему.

И он постарался быть беспощадным... Но вряд ли бы ему это удалось, если б рядом с ним не встала мощная фигура – Столыпин. У Столыпина, человека твердого, неукротимо властолюбивого, было одно общее с мягким Николаем: он обожал семью и был очень зависим от любимой жены. Страдающие раненые дети ожесточили жену и мужа. Теперь Столыпин был готов карать и вешать. «Столыпинским галстуком» будут называть революционеры веревки на своих шеях.

Еще в июне 1906 года Дума отменила смертную казнь. Но, пока Европа присылала поздравительные телеграммы, Николай принял закон о военно-полевых судах.

И виселица принялась за работу. Со времен Ивана Грозного Россия не видела такого количества смертных казней.

Когда Витте напомнил бывшему либералу Столыпину о прежних его взглядах, министр ответил: «Да, это все было... До взрыва на Аптекарском Острове».

26 августа 1907 года Государь «высочайше повелеть соизволил объявить командующим войсками», что они должны «озаботиться», чтобы царю не представлялись телеграммы о помиловании.

Во времена его отца был повешен Александр Ульянов. Казнь брата сформировала характер будущего вождя революции Владимира Ульянова-Ленина. Казнь и кровь вошли в его подсознание.

При Николае по всей России братья и сестры убиенных клялись в ненависти к царю.

«Уж очень не хочется умирать: ночью поведут на задний двор, да еще в сырую погоду, в дождик. Пока дойдешь, всего измочит, а мокрому каково висеть... Встанешь утром и как ребенок радуешься тому, что ты еще жив, что еще целый день предстоит наслаждаться жизнью...» – такие письма читали в семьях.

В крови он стал наследником, в крови был царем этот милый, добрый человек... Кровавое воскресенье, кровавая Ходынка. Кровь первой революции... И как предсказание грядущего, кровью исходил его несчастный мальчик...

Закончилась Первая революция. Удивительная репетиция будущего – того, что случится через 12 лет, – предстала перед ними. Но предостережение прошло даром.

Он и Аликс так и не поняли: революцию усмирили не пули, но буквы на бумаге, которые написал его министр и которые подписал Николай. Мудрый Витте уже тогда предсказал: это погубит их. Сидя в своем кабинете и размышляя над событиями эпохи, старик написал страшные слова:

«Можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть... И погубить своего первородного, чистого младенца, сына-наследника... Дай Бог, чтоб сие было не так. Во всяком случае, чтобы я не увидел подобных ужасов».

И Бог дал: Витте умер в начале 1915 года. Перед смертью старик написал письмо Николаю и распорядился, чтобы оно было подано Государю после его, Витте, смерти. Так Николай получил это загробное послание.

В письме Витте просил царя передать его графский титул «любимейшему внуку своему Л.К. Нарышкину: пусть он именуется „Нарышкин, граф Витте“. Но это был только повод. Важнейшее шло после просьбы. Это был перечень величайших деяний Николая, связанных с именем Витте. И на первом месте была конституция: „Это ваша бессмертная заслуга перед народом и человечеством“.

Своим напоминанием о конституции умирающий старик не собирался уязвить Николая или напомнить ему о своих заслугах. Великий политик – он уже тогда, в 1915 году, почувствовал странную схожесть ситуации с тем, что было накануне трагического 1905 года. Он понял: скоро грянет гром. И он решил еще раз напомнить царю главный урок 1905 года: уметь уступать!

Но в тот год Аликс и Николай были озабочены очередной битвой с Думой. И Николай рассердился напоминанию о «прежнем грехе» (так он теперь называл конституцию). И не выполнил маленькую просьбу своего бывшего министра: Л. Нарышкин так и не стал графом Витте.

Но есть еще одна точка зрения на эту репетицию будущей гибели империи:

«В Смутное время, в XVII веке, когда пресеклась в России древняя династия и наступила всеобщая Смута, когда бояре предавали иноземцам Русь, власть церковная – Патриарх – сохранила Россию. Недаром при первом Романове Патриарх носил титул „Великого Государя“. Петр Великий, чтобы усилить светскую власть, уничтожил патриаршество. Два столетия без Патриарха ослабили церковь. При Николае заговорили о восстановлении патриаршества, но дальше разговоров не пошли... Когда наступили события Первой революции, царь должен был понять: он слаб. Господь в милости своей дал ему это предостережение. В предчувствии новых великих бедствий Николай должен был восстановить второй центр – вернуть власть Патриарха. Только сильная церковь могла удержать Святую Русь от окончательной катастрофы... Но царь не понял предостережения».

Глава 4. Могуущественная пара

Революция в России совпала с революцией в Семье. В это время в Царском Селе появляются двое... Эти двое мало отражены в дневниках Николая, хотя занимали большое место в его жизни. И в жизни Семьи. И страны.

Григорий Распутин и Анна Вырубова (Танеева).

Подруга

В своих мемуарах Анна Танеева пишет о своем роде: ее отец Александр Сергеевич Танеев был статс-секретарем, обер-гофмаршалом двора и главноуправляющим Собственной Его Императорского Величества Канцелярией. Ее дед и прадед занимали эти должности при прежних императорах, ее другой предок – победитель Наполеона фельдмаршал Кутузов.

Правда, она не упоминает в своей книге еще об одном предке, которого светская молва связывала с родом Танеевых, – об императоре Павле I. Кровь этого безумного императора (точнее, его незаконного ребенка) текла в жилах Ани Танеевой. Да, она тоже была из рода Романовых.

В 17 лет она, опьяненная выходом в свет, танцует на 22 балах. Молодая фрейлина представлена императрице. Аликс заметила ее.

И вскоре скороход (была такая должность во дворце – будто из сказки Андерсена) по прозаическому телефону сообщает Ане: ее приглашает императрица.

Их первый разговор. Аня Танеева рассказывает Аликс: в детстве она заболела тифом, была при смерти, но отец позвал Иоанна Кронштадтского – и тот молитвой своей поднял ее с одра болезни. История должна была произвести впечатление на императрицу. Чудо исцеления – только об этом думает Аликс, глядя на сына.

Аня очень музыкальна. И с самого начала ей удалось взять верную ноту.

Вскоре ее позовут в плавание на царской яхте. В столь любимое в Царской Семье путешествие – в финские шхеры.

В залитой солнцем каюте они играют в четыре руки на фортепиано. Впоследствии Аня трогательно расскажет Аликс, как от волнения стали каменными ее руки...

Потом они пели дуэтом. У Аликс – контральто, у Ани – сопрано. Так сразу сложился этот роковой дуэт.

Когда Аня сошла на берег, Аликс сказала: «Благодарение Богу – он послал мне друга».

Теперь Аню часто берут на прогулки в шхеры. Светлые, покойные вечера на царской яхте... Мирные огни загораются на берегу. Запах воды и папироска в руках Государя. Белая яхта «Полярная Звезда» скользит в наступившей ночи.

В 1918 году арестованная Аня Танеева вновь окажется на «Полярной Звезде». Там будет заседать штаб Центробалта, и привезут ее туда новые хозяева яхты – революционные матросы.

Все будет заплевано окурками, загажено... Ее посадят в грязный трюм, кишачий паразитами, а потом поведут на допрос по знакомой палубе – и она вспомнит те ночи.

В чем главная причина успеха молодой фрейлины? «Самая обыкновенная петербургская барышня, влюбившаяся в императрицу, вечно смотрящая на нее своими медовыми глазами со вздохами „ах, ах, ах!“». Сама Аня Танеева некрасива и похожа на пузырь от сдобного теста», – написал Витте в своих мемуарах.

Уже после падения царского режима в феврале 1917 года была создана «Чрезвычайная следственная комиссия по рассмотрению злоупотреблений министров царского правительства и других высших должностных лиц свергнутого режима». В комиссии работал товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда В.М. Руднев. Впоследствии он вспоминал о допросах арестованной Ани: «Я шел... откровенно говоря, настроенный к ней враждебно... И меня сразу поразило особое выражение ее глаз. Выражение это было полно неземной кротости».

Бесхитростная Аня, которая внесла в Царскую Семью искренность, преданность и обожание, которых так не хватало в холодном дворце, – таково заключение следователя. И еще он добавлял: «Пользоваться никаким политическим влиянием госпожа Вырубова не могла. Слишком силен был перевес умственных и волевых качеств императрицы».

Итак, простодушная, глупая, некрасивая?...

Вера Леонидовна:

«Она была очень хороша... Красавица – но в очень русском стиле: пепельные волосы, голубые огромные глаза, пышное тело. Я помню, как увидела ее впервые. После репетиции я шла по Невскому. „Атлантида“ жила: неслись щегольские коляски, на дешевых пролетках проезжали ямщики в синих поддевах... Я часто слышу сейчас этот шум исчезнувшей жизни... Вот проносится великолепный султан кавалергарда... Спина к кучеру в шинели внакидку пролетел градоначальник Петербурга, окруженный велосипедистами, – видимо, скоро должен проехать Государь... Было 2 часа, и появлялись самые роскошные выезды... И вот тогда я увидела экипаж: в нем лениво полулежала молодая женщина, перья шляпы висели над красивым, полноватым лицом, ноги были укрыты меховым пледом.

«Это она», – сказал мой друг. О ней много тогда говорили... Если молва приписывала Распутину царице, Аню отдавали в любовницы царю и Распутину... Кстати, она очень мило рассказывала о себе, и всегда смешные вещи. Только умные люди умеют подтрунивать над собой. Она была умна. И еще она была великой актрисой... Эта женщина, которая участвовала во всех политических играх Распутина, назначала и свержала министров, вела сложнейшие интриги при дворе, могла выглядеть совершенно простодушной русской дурехой...»

Была ли это маска? Или – маска, ставшая навсегда лицом?

Да, она сразу постигла характер «Саны» – так она называла императрицу. Повелительница России была... застенчива. Ее непосредственность сразу натолкнулась на холод двора. Она замкнулась в себе, усвоила сдержанность и отчужденность, которые принимали за надменность. И Аня нашла ключ к сердцу Саны: восторженное, беспредельное обожание.

Но неужели на этой однообразной игре она могла продержаться при Сане целых 12 лет? Нет, она постоянно придумывала новые, захватывающие и опасные игры для царственной подруги.

Среди бумаг, которые вывез Юровский после расстрела Семьи, было множество писем. Всю Первую мировую войну, задыхаясь от любви, Аликс и Ники заваливали друг друга письмами. В этих письмах были загадочные строки. Например, в одном из писем к Николаю Аликс делает странную приписку:

«Милый! Ведь ты сжигаешь ее письма, чтобы они никогда не попали в чужие руки?»

Чьи письма? И почему эти письма не должны попасть в чужие руки? И вообще, кто такая эта «она»?

В другом месте: «Если мы теперь не будем оба тверды, у нас будут любовные сцены и скандалы, как в Крыму... Когда ты вернешься, она будет рассказывать, как страшно страдала без тебя... Будь мил, но тверд. Ее всегда надо обливать холодной водой». Итак, оказывается, «она» смеет устраивать сцены, скандалы и преследовать письмами Николая?!

И Аликс, не жалея слов, клеймит эту неизвестную: «Она груба, в ней нет ничего женственного...» «Она надоедлива и очень утомительна» и т. д.

А вот уже совсем злое, карикатурное описание: «Она всецело поглощена тем, насколько похудела. Хотя нахожу, что у нее колоссальный живот и ноги (и притом крайне неаппетитные), ее лицо и румяные щеки не менее жирные и тени под глазами». В письмах Аликс называет ее «Корова»!

Какая ревность! Уже смешная ревность.

Но вот уже почти крик: «Кто бы ни посмел тебя называть „мой собственный“, ты все же мой, а не ее... Аня хочет завтра приехать к нам, а я была так рада, что долгое время мы не будем иметь ее в доме». Да, «она», «Корова» – это Аня! А как же – «наивная, кроткая»? Значит, молва права? И никакой идиллической любви Аликс и Ники не существовало? Была Аня – любовница царя?

Следователь Руднев:

«В данных медицинского освидетельствования госпожи Вырубовой, произведенного в мае 1917 года по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии, было установлено с полной несомненностью, что госпожа Вырубова – девственница».

Значит, ничего не было? Но откуда эти проклятия царицы?

Впрочем, почти одновременно Аликс пишет мужу: «Может быть, ты в своей телеграмме упомянешь, что благодаришь Аню за газету и шлешь ей привет?» И в другом письме: «Аня говорит о своем одиночестве – это меня сердит. Она дважды в день к нам приходит, каждый вечер она проводит с нами 4 часа, и ты ее жизнь...» Значит, «разлучница» преспокойно приходила каждый день и ей разрешали проводить во дворце долгие часы?!

Так что же все-таки было?

Я беседую с итальянской журналисткой. В конце века мы обсуждаем историю двух подруг начала века. Итальянская журналистка пишет книгу о Николае, и я начинаю свой рассказ. Точнее, это всего лишь пересказ того, что когда-то объясняла мне Вера Леонидовна...

«Третий»

2 сентября 1915 года Аликс пишет Николаю: «Взяла Аню на могилу Орлова». 4 октября Аликс снова пишет: «Заехали с Аней на кладбище, где мне хотелось положить цветы на могилу бедного Орлова». О каждом посещении могилы «бедного Орлова» она сообщает Николаю. Это удивительно, ибо «бедный Орлов» был объявлен молвой любовником Аликс. Более того, светская сплетня именovala его отцом Алексея.

Александр Афиногенович Орлов – генерал-майор свиты, однофамилец знаменитого Алексея Орлова, который когда-то возводил на русский престол Екатерину Великую. Мы отмечаем это обстоятельство, ибо Александр Афиногенович несколько играл в этого красавца и кутилу из галантного XVIII века. Но играл уже с акцентом века XX – тут был кокаин и прочие прелести.

Все совершенно изменилось с приездом в Петербург молодой гессенской принцессы. Орлов выказывает ей истинно рыцарское почтение. Исчезли грубые гусарские замашки, одно восторженное поклонение рыцаря, встретившего Прекрасную Даму. И когда Аликс была отвергнута родителями Николая, Орлов оставался неизменен в своем поклонении. Подчеркнем – поклонении...

Став императрицей, Аликс не забыла верного Орлова.

Орлов получает назначение в полк, шефом которого была сама Прекрасная Дама. Теперь он по праву носит цвета императрицы. Средневековый роман продолжается.

Есть рассказ у Джека Лондона о двоих, которые решили обмануть богов: сделать свою страсть вечной. И Аликс хотела, чтобы их романтическая страсть с Ники не угасла в прозе жизни. Инстинктом любящей женщины она догадалась: для этого нужен «третий». Поддерживающий огонь. И любовь Орлова – почтительная любовь «бедного рыцаря» к недоступной принцессе – была такой любовью.

Двор откликнулся как должно: тотчас родилась сплетня о любовной интрижке царицы. Результатом был разговор императрицы-матери с Николаем. Аликс не позволила уничтожить эту волнующую игру. Она придумала выход: Орлов женится на Ане, чтобы прекратить сплетни. Но красавец генерал от брака с Аней уклонился. Это, видимо, его погубило. Орлова отсылают за границу, и в дороге он внезапно умирает. Возможно, всемогущая спецслужба побеспокоилась о репутации Семьи.

«Третьего» нет. Неужели любовь Аликс и Ники задохнется в обыденности? И Аня принимает на себя новую роль. Орлов платонически обожал царицу. Теперь Аня будет платонически обожать царя. Теперь она – «третья», создающая напряжение в вечной любовной игре Аликс и Ники. (Так институтки, влюбляясь в подругу, боготворят избранника ее страсти.) Нет, конечно же, она не позволяет себе тягаться с Государыней, она лишь разрешает себе умирать от безответной любви. И даже устраивает сцены, но смешные, наивные, безопасные. В центре нового треугольника находится статист Ники, а вокруг – две актрисы этой утонченной любовной пьесы.

В это время Аню уже начали опасаться. В большой Романовской Семье зазвучали голоса: удалить подругу. Но Аня сумела остаться при помощи новой игры.

Однажды Аня объявляет Аликс: она решила покинуть ее и успокоить двор. К всеобщему изумлению, всемогущая Аня выходит замуж за скромного флотского офицера Вырубова. По язвительному замечанию Витте: «Бедная императрица рыдает, как московская купчиха, выдающая дочь замуж...» Но Аня знает заранее финал своего брака – у нее точные сведения о своем женихе. И вскоре она бежит с супружеского ложа, ибо муж оказался «половой извращенец и наркоман». Мистически настроенной царице Аня сможет сказать: это было наказание за то, что она изменила предназначению. Ее удел: отказавшись от своей семьи, служить Первой Семье России.

Итак, кто она? Простодушная, добрая, ясная, открытая? Да. И еще – лукавая, скрытная, хитрая, умная. Опасная женщина, посвятившая себя одной страсти. Витте писал: «За Аней Вырубовой все близкие царедворцы ухаживают, и не только они – но и их жены и дочери. Аня устраивает им различные милости и влияет на приближение к Государю тех или иных политических деятелей».

Ее страсть – власть. Власть, которая сразу пришла к молоденькой фрейлине и которой она подчинила всю жизнь. Тайная кровь императора Павла... Аня – незримая повелительница самого блестящего двора в Европе.

И вдруг в 1914 году – этот внезапный ураган безумной ревности императрицы. И все поставлено под удар!

Что же произошло? Аня заигралась? Виноваты южные ночи – эти сводящие с ума ночи в белом Ливадийском дворце?

Их никого нет. Они давно ушли, эти люди. А мы все пытаемся рисовать картины, но зыбкие фигуры растворяются в темноте. Занавес падает. Они – за занавесом, не будем их тревожить... Хотя, в общем-то, все ясно: тогда, в 1914 году (в начале войны своей новой родины с родиной прежней), Аликс была на грани истерии. И это объединилось в ней с тем страшным, плотским, что незримо приходило во дворец вместе со «Святым чертом». И хотя во дворце «черт» оборачивался в святого, незримое поле его похоти, его разнузданную силу не могла не чувствовать полубезумная царица. Отсюда ее страстные плотские мечты в пись-

мах к Николаю. Нет, это уже не смиренная супружеская любовь, но исступленный зов! И все это нашло выход в безумии ревности, охватившем ее тогда. Нет, нет, как и в прошлые годы, Аня старательно играла свою роль – безопасной «третьей». Но однажды Аликс увидела себя в зеркале: измученная, постаревшая, седые волосы появились... а рядом с Ники эта молодая, цветущая, неотрывно смотрят медовые глаза... И родилось наваждение.

Аня повела себя мудро. Оправдываться – означало раздувать подозрительность. Она ответила подруге оскорбительной холодностью, презрением несправедливо обиженной. И – грубостью. Последнее было внове повелительнице России, но оказалось лучшим лекарством. И вскоре Аликс жалуется Ники: «Утром она опять была со мной нелюбезна, вернее, груба...» К грубости Аня добавила еще одно лекарство. «Она сильно флиртует с молодым украинцем, – ворчливо пишет императрица, – но жаждет тебя...» Однако буря уже спадает. И вскоре: «Я опасюсь Аниного настроения...» И добавляет покорно: «Я теперь все переношу с гораздо большим хладнокровием и не так терзаюсь на ее грубые выходки. Мы друзья, я ее очень люблю и всегда буду любить, но что-то ушло...»

Все стало на свои места.

Впрочем, борясь с ревностью Аликс, Аня могла быть спокойна. Рядом с нею стоял тот, кто никогда не дал бы ее в обиду. Могущественнейший партнер в ее играх с Аликс – Распутин.

Аня слышала о Распутине от черногорских принцесс. Увидев его, сразу оценила.

«Фантастический человек»

Распутина ждали во дворце давно. Еще с начала царствования, когда Семья тщетно искала народных правдолюбцев. И когда черногорки обольщали гессенскую принцессу таинственным миром колдунов и юродивых – он приближался...

И когда они приехали на Саровские торжества в таинственную пустынь... Вот уж, действительно, дьявол входит в обличии святого: образ мудрого кроткого Серафима и будет присвоен «Святым чертом» – Григорием Распутиным.

«Есть в селе Покровском благочестивый Григорий... Как Святому Серафиму, как Илье Пророку, дано ему затворять небо – и засуха падает на землю, пока не велит он раскрыться небесам и пролить живительный дождь».

Так рассказывал о нем ректор Петербургской Духовной Академии отец Феофан почитателям своим, великим князьям Петру и Николаю Николаевичам. И вот уже черногорки, жены великих князей, понесли весть во дворец: так же, как Преподобный Серафим, ходит Григорий в своем селе, окруженный невинными девушками, и так же проповедует кротость, любовь и ласку и излечивает болезни...

В конце 1903 года Распутин появляется в коридорах Петербургской Духовной Академии. В засаленном пиджаке, в сапогах, отвислые брюки болтаются сзади, как истрепанный гамак, спутанная борода, волосы причесаны под скобку, как у полового в трактире. И гипнотические серо-голубые глаза – то нежные и ласковые, то яростные и гневные. Но чаще настроенные. И странная речь, будто бессвязная, баюкающая, какая-то первобытная...

Пока черногорки передают Аликс восторженные рассказы о «Старце», ее Подруга решает ввести его во дворец. Как блестящий режиссер, строит она сцену: явление «Старца» царице.

Поздний вечер, они играют с царицей Бетховена в четыре руки. Около полуночи по приказанию Ани Распутина неслышно вводят в полуосвещенную комнату. Императрица сидит спиной к нему – продолжает играть с Аней. Часы бьют полночь.

– Не чувствуешь ли, Сана: что-то происходит?

– Да-да, – почти испуганно отвечает императрица.

Аня медленно поворачивает голову, и бедная царица – послушно за ней вслед. И когда нервная Аликс увидела в дверях, как видение, неясную фигуру мужика, она забилась в истерику. Распутин подошел к ней, прижал измученную женщину к своей груди, тихо погладил, ласково приговаривая: «Не бойся, милая, Христос с тобой».

Распутин – один из популярнейших мифов XX века...

Все тот же следователь Чрезвычайной следственной комиссии В.М. Руднев составил впоследствии интереснейшую записку:

«Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за Распутиным агентами охраны. Наблюдение было наружное и внутреннее, и шло это наблюдение за квартирой непрерывно... В связи с тем, что в периодической прессе особенно много внимания уделялось разнузданности Распутина, ставшей синонимом его фамилии, следствием было обращено на этот вопрос надлежащее внимание. Богатейший материал для освещения его личности с этой стороны оказался в данных того самого постоянного и негласного наблюдения за квартирой...

При этом выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходили из рамок ночных оргий с девицами легкого поведения и шансонетными певицами, а также с некоторыми из его просительниц... Что же касается близости к дамам из высшего общества, то в этом отношении никаких положительных материалов наблюдением и следствием добыто не было».

Итак, «дам из высшего общества» не было! Но что же было?

Григорий Распутин родился в селе Покровском в Сибири. Сын крестьянина Ефима Новых. Его отец – горький пьяница – вдруг образумился, перестал пить, скопил себе достаток. Но умерла жена – и пошло опять мужицкое несчастье: начал пить, спустил нажитое. И его сын Григорий в это время прославился распутной жизнью: Распутиным уехал он в Тобольск, служил половым в гостинице, там женился на служанке Прасковье, и родила она ему троих детей – сына и двух дочерей.

Сам Григорий так описывает беспутное начало своей жизни: «В 15 лет в моем селе в летнюю пору, когда солнышко грело, а птицы пели райские песни, я мечтал о Боге... Душа моя рвалась вдаль... Не раз, мечтая, я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они... Так прошла моя юность. В каком-то созерцании, в каком-то сне... И потом, когда жизнь коснулась, дотронулась до меня, я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился. Не удовлетворен был я, на многое ответа не находил, и грустно было. И стал я попивать».

Какая нежная, сладостная речь. Вот уж точно – дар обольщения.

До 30 лет он блудодей и вор, но вот к 30 годам – случилось: студент-семинарист встретился на его пути и беседой своей наставлял заблудшую душу на истинный путь. С того времени начинается таинственное житие «Старца» Григория. Во время молотьбы, когда над его святостью смеялись домашние, он воткнул лопату в ворох зерна и пошел по святым местам... Ходил больше года, вернулся домой, в хлеву выкопал пещеру и молился там две недели. И опять пошел странствовать, поклоняться святым местам. Был он в Киеве, как Преподобный Серафим, и в самой Саровской пустыни, а потом на богомолье в Москве – и дальше по бесконечным российским городам и весям.

Вернулся домой после долгих странствий и, молясь в церкви, на глазах народа в усердии разбивал лоб об пол. С того времени было дано ему пророчествовать и исцелять.

Вера Леонидовна:

«Это был фантастический человек. Тогда открылся модный ресторан „Вена“, меня привез туда Арцыбашев – автор знаменитой пьесы „Ревность“. Какой успех имела эта пьеса! С нами был известный всему Петербургу тоже невероятный человек – Манасевич-Мануйлов... Ходили слухи, что он агент сразу всех возможных разведок. Вот он-то и предложил: „Поедьте к Распутину...“ Это было рядом с „Веной“, на Гороховой. Арцыбашев отказался, но я – авантюристка. Распутин сидел в столовой, между двумя девушками, это были его дочери... Глаза... я физически помню это ощущение... глаза впились в меня. Стол был в цветах, напротив сидела молоденькая беленькая Муня – Мария Головина, фрейлина императрицы. Все время звонили и приезжали. Приезжали женщины. Муня бегала открывать дверь с усердием служанки. Потом он сказал ей: „Пиши“. И стал говорить. Все было – о кротости, о душе. Я пыталась запомнить и потом, придя домой, даже записала, но это было уже не то. А тогда у всех зажглись глаза... это был неизъяснимый поток любви... Я опьянела».

Этот рассказ я вспомнил в архиве.

Темно-синяя тетрадь императрицы. На обороте обложки тетради написано имя владелицы – Александра. Рядом с этой изящной росписью императрицы – каракули Распутина. Без знаков препинания пишет Григорий: «Здесь мой покой славы источник во свете свет подарок моей сердечной маме Григорий...»

Он называл ее «мама» – Мать русской земли. «Папа» – Николай.

«Подарок сердечной маме» – это его устные поучения, старательно записанные изящным почерком Аликс. Она их возьмет с собой в Тобольск и Екатеринбург. И будет их перечитывать до дня своей гибели.

Вот некоторые из них:

«Кто занят собою, тот дурак или мучитель Света, у нас вообще министры заняты собою – ой, не надо! Родина – широка, надо дать ей простор работы, но не левым и не правым, левые – глупы, а правые – дураки. Почему? Да потому что палкой научить хотят. Уже я прожил 50 лет, шестой десяток наступает и могу сказать: кто думает, что он научен и научился, правду говорят мудрецы, – тот дурак».

«Матерь Божья умна была, а никогда о себе не писала. Но жизнь ее известна духу нашему».

«Никогда не бойтесь выпускать узников, возрождать грешников к праведной жизни. Узники через их страдания... выше нас становятся перед лицом Божиим».

«Любите рай, он от любви, куда дух – там и мы. Любите облака – там мы живем».

Влияние полуграмотного мужика на Государыню всея Руси не только в том, что он врачевал тело несчастного сына. Но и в том, что он врачевал душу измученной императрицы.

Из его уст изливался поток великих христианских истин, с ним она очищалась от суеты, отдыхала душой. Знаток религиозных книг и, конечно, гипнотизер, он сумел стать для нее желанным «Старцем», о котором она мечтала там, в Саровской пустыни. Воскресшим Преподобным Серафимом.

Первое время, входя во дворец, Распутин кроток и светел. Потом, окончательно войдя в роль «Старца», он будет попеременно – фамильярен, свиреп, насмешлив и грозен с царской четой. При этом – никакой позы. Ошеломляющая простота и естественность.

Его тайна совсем не в силе чудотворства, сила эта – бесспорна. И она постоянно спасала ее сына. Ему даже необязательно было находиться рядом с Алексеем. Колдун XX века, он уже пользуется телефоном и телеграфом.

Множество раз описанные истории:

Звонок из Царского Села на квартиру Распутина: мальчик страдает, у него болит ухо – он не спит.

– Давай-ка его сюда, – обращается по телефону «Старец» к императрице. И уже совсем ласково подошедшему к телефону мальчику: – Что, Алешенька, полуношничаете? Ничего не болит, ушко у тебя уже не болит, говорю я тебе. Спи.

Через 15 минут – ответный звонок из Царского: ухо не болит, он спит.

В 1912 году в Спале наследник умирал – у него опухоль, началось заражение крови. Но Аликс с измученным ночными бдениями лицом торжествующе показывает врачам распутинскую телеграмму: «Бог воззрил на твои слезы и внял твоим молитвам. Не печалься сын твой будет жить». Знаменитые врачи только печально качают головами: страшный финал неминуем.

А мальчик... мальчик вскоре выздоровел.

Во время войны Николай взял наследника с собой в Ставку. Алексей простудился, у него появился обычный насморк. Но мальчик – необычный: высморкался – и не выдержали сосуды, полилась кровь. И кровь эту врачи уже не смогли остановить...

В императорском поезде вместе с Жильяром и бессильным доктором Деревенко Алексея отправляют в Царское. На перроне в Царском Селе их ожидает императрица.

– У него остановилась кровь! – торжествующе сказал Жильяр.

– Знаю, – спокойно отвечает Аликс, – когда это случилось?

– Где-то в половине седьмого.

Аликс протянула телеграмму Распутина: «Бог поможет, будет здоров». Телеграмма была отправлена в 6.20 утра.

В начале 1915 года Аня Вырубова получила тяжелые увечья.

«2 января... я ушла от Государыни, – вспоминала Вырубова, – и поездом 5.20 поехала в город. Села в первый вагон от паровоза... против меня сидела сестра кирасирского офицера. В вагоне было много народу. Не доезжая 6 верст до СПб, вдруг раздался страшный грохот, и я почувствовала, что проваливаюсь куда-то головой вниз и ударяюсь об землю. Ноги запутались вероятно в трубы отопления, и я чувствовала, что они переломаны... Когда я пришла в себя, вокруг были тишина и мрак. Затем раздалась стона придавленных под развалинами вагонов раненых и умирающих. Я сама не могла ни пошевелиться, ни кричать, на голове у меня лежал огромный железный брус».

Ее вытащили из-под развалин.

«Помню, как меня пронесли через толпу народа в Царском, и я увидела императрицу и всех великих княжон в слезах. Меня принесли в санитарный автомобиль, и императрица вскочила в него и, присев на пол, держала мою голову на коленях, а я шептала ей, что умираю».

Подруга была безнадежна. И тогда позвали «Старца».

Распутин подошел к Ане... Стоит над кроватью, глаза лезут из орбит от страшного напряжения, и вдруг шепчет ласково: «Аннушка, проснись, погляди на меня». Она открывает глаза...

Как должна относиться Аликс к тому, кто на ее глазах воскрешал из мертвых! К единственному человеку, который мог спасти и столько раз уже спасал ее сына! Мог ли Николай лишить ее врачевателя сына? И врачевателя ее души? Убрать Распутина – означало убить ее. И мальчика.

И он все терпел. И даже подыгрывал.

Он покорно соглашается на просьбы Аликс съесть чудодейственную корочку со стола Распутина, причесаться его чудотворной расческой. Аликс свято верила в их чудесную силу. И он должен делать вид, что тоже верит.

Но Николай не просто подыгрывал.

Для него Григорий – итог правдоискательства. Оно началось с Клопова – и вот закончилось подлинным мужиком во дворце. Союз «народ и царь» свершился... Конечно, он знал о беспутстве Григория. И в отличие от Аликс не строил мистических обоснований. Нет, он принимал его как беспутство реального народа. Оно лишний раз доказывало: его народ не готов к конституции. Но вперемежку с этой дикостью он видел в Григории здравый смысл, доброту и веру. Голос Григория для него – глас народный.

«Это только простой русский человек – очень религиозный и верующий, – объяснял он графу Фредериксу, министру двора, – императрице он нравится своей искренностью, она верит в силу его молитв за нашу семью и Алексея, но ведь это наше, совершенно частное, дело. Удивительно, как люди любят вмешиваться во все, что их не касается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.